

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

МЕСТО ПОД НАЗВАНИЕМ
«СВОБОДА»

Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.

Кен Фоллетт

Место под названием «Свобода»

«Издательство АСТ»

1995

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

Место под названием «Свобода» / К. Фоллетт — «Издательство АСТ», 1995 — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.)

ISBN 978-5-17-110029-2

1767–1770 годы, угольные шахты Шотландии, порты Лондона, табачные плантации Америки. Простой шахтер Макэш по прозвищу Мак и аристократка Лиззи Хэллим. Что у них может быть общего? Тем не менее они постоянно сталкиваются на жизненном пути, поочередно спасая друг друга от смертельных опасностей, сближаются, влюбляются и в итоге вместе обретают вожаделенную свободу, к которой шли разными путями.

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110029-2

© Фоллетт К., 1995
© Издательство АСТ, 1995

Содержание

Часть I. Шотландия	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	23
Глава пятая	32
Глава шестая	35
Глава седьмая	44
Глава восьмая	55
Глава девятая	61
Глава десятая	67
Глава одиннадцатая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Кен Фоллетт

Место под названием «Свобода»

Ken Follett
A Place Called Freedom

© Ken Follett, 1995

© Перевод. И. Моничев, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Посвящается памяти Джона Смита

Мне пришлось много заниматься садоводством, когда я только переехал в особняк Хай Глен, и вот как получилось, что я сумел найти тот железный ошейник.

Дом сильно обветшал, а сад буйно и беспорядочно разросся. Полубезумная старая леди, прожившая здесь до меня двадцать лет, ни разу не удосужилась хотя бы покрасить стены фасада. Она умерла, и я приобрел усадьбу у ее сына, владевшего автосалоном фирмы «Тойота» в Киркберне, ближайшем городке, расположенном в пятидесяти милях от Хай Глена.

Вам может показаться странным, зачем человеку понадобилось покупать запущенный старый особняк в пустынной местности, где больше не живет никто в радиусе пятидесяти миль. Но я поистине влюблен в эту долину. В здешних лесах бродят непуганые олени, а на вершине горной гряды выют гнезда орлы. Работая в саду, я значительную часть времени проводил в праздности, стоя, опершись на лопату и любуясь сине-зелеными склонами гор.

Но и покопаться в земле мне довелось изрядно. Я решил посадить кусты вокруг отхожего места. Это далеко не радующая глаз постройка, обшитая грубыми досками, лишенная даже окон, и мне захотелось скрыть ее зарослями кустарника. Роя траншею для живой изгороди, я наткнулся на ящик.

Он оказался не слишком велик. В подобные ящики обычно помещается дюжина бутылок хорошего вина. И внешне он не был ничем примечателен: простые, не покрытые лаком деревянные планки, скрепленные проржавевшими гвоздями. Лезвием своей лопаты я сломал крышку.

Внутри обнаружились два предмета.

Одним из них была большая старинная книга. Меня ее вид привел в радостное предвосхищение. Вдруг это древняя семейная библия с интригующей историей, написанной от руки на форзаце, — даты рождений, бракосочетаний и смертей тех людей, которые жили в моем нынешнем доме сто лет тому назад? Однако меня подстерегало горькое разочарование. Стоило мне открыть обложку, как я увидел, что страницы раскисли и стерлись. Невозможно стало разобрать ни единого слова.

Другим предметом, извлеченным мной из ящика, стала клеенчатая сумка. Она тоже насквозь сгнила и буквально рассыпалась, как только я взял ее садовничьими перчатками. В развалившейся сумке лежало железное кольцо диаметром примерно в шесть дюймов. Кольцо потускнело и достаточно сильно пострадало от времени, но клеенка все же уберегла его от сколько-нибудь значительного повреждения ржавчиной.

Выглядело оно грубо сработанным. Вероятно, кольцо было изделием простого деревенского кузнеца. Мне поначалу показалось, что это какая-то часть телеги или плуга. Но в таком случае зачем кому-то понадобилось так тщательно хранить ее в клеенке? Кроме того, кольцо

не было полностью замкнутым и сильно погнулось. И я поневоле стал видеть в нем ошейник, который вынудили носить заключенного. Когда невольник сбежал, он сначала с помощью какого-то инструмента сломал кольцо, а потом погнул, чтобы снять.

Я принес этот предмет в дом и принялся очищать его вручную. Но работа продвигалась слишком медленно, и мне пришлось в голову погрузить кольцо на ночь в патентованную жидкость против ржавчины, чтобы снова попытаться следующим утром. Теперь по мере того, как я полировал железо с помощью лоскута грубой ткани, стала отчетливо проступать надпись.

Она была выгравирована старомодными буквами с затейливыми завитками, и мне потребовалось некоторое время, чтобы разобрать текст. Вот что он гласил:

«Этот мужчина является частной собственностью сэра Джорджа Джеймиссона из Файфа. 1767 г. н. э.».

Кольцо и сейчас лежит на моем письменном столе рядом с компьютером. Я использую его как пресс-папье. Я частенько беру его и начинаю крутить в пальцах, вновь и вновь перечитывая надпись. Если бы железный ошейник умел говорить, думаю я в такие минуты про себя, какую историю он смог бы нам поведать?

Часть I. Шотландия

Глава первая

Снег увенчал вершины гор Хай Глен и лежал среди поросших лесами склонов жемчужными пятнами, напоминавшими ювелирные украшения под вырезом платья из зеленого шелка. В самой низкой части долины стремительный речной поток прокладывал себе путь мимо покрытых ледяной коркой обломков скал. Злобный ветер с завыванием нес сюда со стороны Северного моря то град, то смесь снега с дождем.

Утром по пути в церковь близнецы по фамилии Макэш – Малакай и Эстер – следовали зигзагу тропы вдоль восточного склона холма, спускавшегося в долину. Малакай, известный под прозвищем Мак, носил клетчатую кепку и бриджи из твида, но его остававшиеся обнаженными ниже коленей ноги, как и ступни без носков, сильно замерзли в деревянных башмаках-сабо. Но он был молод, в нем играла горячая кровь, и потому едва ли вообще замечал холод.

Они избрали не самую короткую дорогу до церкви, но Хай Глен всегда завораживал и притягивал к себе Мака. Высокие, крутые горы, тихие, загадочные леса и веселое журчание бегущей воды создавали пейзаж, радовавший его душу. Он уже успел пронаблюдать, как пара орлов выкормила здесь три выводка птенцов. Подобно орлам, он тоже тайком от хозяев этой земли ловил лососей в кишевшей ими реке. И перенимал повадки оленей, прятаящихся среди деревьев, застыв в беззвучной неподвижности, стоило появиться егерям.

Землевладелицей была женщина – леди Хэллим, вдова, имевшая дочь. А вот территория у самой дальней части горного хребта принадлежала сэру Джорджу Джеймиссону, и там все выглядело совершенно иначе, словно в каком-то другом мире. Инженеры пробили огромные дыры в склоне горы. Рукотворные пирамиды шлака обезобразили вид долины. Массивные крытые телеги с углем бороздили грязную дорогу. А река почернела от пыли. Именно там и жили близнецы в деревне, называвшейся Хьюк и образованной длинным рядом приземистых каменных домов, постепенно взбиравшихся вверх, как ступени лестницы.

Брат и сестра являли собой мужской и женский варианты одного и того же образа. У обоих были светлые волосы, всегда чуть потемневшие от угольной пыли, и поразительно красивые бледно-зеленые глаза. Оба отличались невысоким ростом и широкими спинами с хорошо развитой мускулатурой рук и ног. Оба имели упрямые и своенравные характеры.

Споры между собой они унаследовали как семейную традицию. Их отец всегда слыл непримиримым инакомыслящим, не желавшим подчиняться ни правительству, ни церкви, ни какой-либо другой власти. Мать до замужества работала на леди Хэллим и, как многие приближенные к господам слуги, причисляла себя к высшему общественному классу. Одной особенно суровой зимой, когда шахта на месяц закрылась после взрыва, отец умер от черной чахотки – силикоза, погубившего стольких углекопов. Мама заболела воспалением легких и последовала за ним в могилу через несколько недель. Но споры продолжались и происходили обычно субботними вечерами в заведении миссис Уейгел – единственном месте в Хьюке, напоминавшем настоящую таверну.

Прислуга из усадьбы и мелкие окрестные фермеры продолжали поддерживать точку зрения их мамы. Они утверждали, что власть дана королю самим богом и потому людям следовало быть покорными ему. А вот шахтеры успели поднабраться новых идей. Джон Локк и другие философы настаивали: источником любой власти может быть только добровольный выбор народа. Эту теорию разделял и Мак.

Очень немногие в шахтерских семьях Хьюка умели читать, но матушка Мака была грамотной, и он убедил ее обучить его. Она дала домашнее образование обоим своим детям вопреки ворчанию мужа, что она не по одежке протягивает ножки, замахиваясь на привилегию, недоступную людям, ее окружавшим. У миссис Уейгел Мака неизменно просили читать вслух газеты «Таймс», «Эдинбургский вестник» и политические издания вроде радикального журнала «Северный британец». Газеты всегда были недельной, а то и месячной давности, но мужчины и женщины из деревни с живым интересом слушали длинные речи, изложенные дословно, сатирические обличения, репортажи о забастовках, маршах протеста и бунтах.

После одного из привычных субботних споров у миссис Уейгел Мак и написал свое письмо.

Ни один из шахтеров никогда прежде не писал писем, а потому последовали продолжительные обсуждения каждого слова в послании. Оно было адресовано Каспару Гордонсону, лондонскому юристу, публиковавшему в различных изданиях статьи, высмеивавшие деятельность правительства. Отправить письмо доверили Дейви Пэтчу, одноглазому уличному торговцу-разносчику, и Маку оставалось только гадать, доставят ли его по нужному адресу.

Ответ пришел только вчера, и это стало самым волнующим событием, какое когда-либо происходило в жизни Мака. Теперь его судьба радикальным образом изменится, думал он. Быть может, он даже получит свободу.

Сколько Мак себя помнил, он стремился обрести свободу. Еще ребенком он даже завидовал Дэйви Пэтчу, бродившему из деревни в деревню, где продавал ножи, мотки веревки и книжки с текстами древних баллад. В образе жизни Дэйви маленького Мака привлекало прежде всего то, что он мог просыпаться с восходом солнца и ложиться спать, когда чувствовал усталость. Самого Мака с семилетнего возраста мать будила посреди ночи, после чего он пятнадцать часов трудился в шахте, заканчивая смену в пять вечера, а после, шатаясь от переутомления, добирался до дома и часто засыпал прямо над поданной к ужину овсянкой.

Ныне Мак уже не хотел торговать с лотка, но по-прежнему жаждал совсем иной жизни. Он мечтал построить для себя дом в такой же долине, как Хай Глен, на клочке земли, который мог бы считать своим собственным. О работе с рассвета до заката, чтобы иметь возможность отдыхать в темные ночные часы. Ему хотелось свободно отправляться на рыбалку солнечным днем в место, где лососи принадлежали не землевладельцу, а любому, кто сумеет поймать рыбку. И письмо, которое он держал сейчас в руке, означало, что его мечты смогут однажды сбыться.

– Я все еще не уверена, следует ли тебе прочитать письмо вслух всем, кто придет к церковной службе, – сказала Эстер, пока они продолжали шагать по промерзшей земле тропы вдоль склона холма.

Мак тоже не был ни в чем уверен, но спросил:

– А почему бы и нет?

– Могут возникнуть неприятности. Рэтчет придет в ярость. – Гарри Рэтчет был надсмотрщиком, управлявшим шахтой от имени владельца. – Он может даже пожаловаться сэру Джорджу, и только представь, что они потом сделают с тобой!

Он знал, что сестра права, и его сердце трепетало от страха. Но это не помешало ему возразить ей.

– Если я сохраню письмо только для себя, то в нем не будет никакого смысла, – заметил он.

– А разве ты не можешь показать письмо Рэтчету с глазу на глаз? Он вполне способен разрешить тебе одному уйти тихо, не создавая большого переполоха.

Мак искоса бросил взгляд на сестру. Насколько он мог судить, она не поддавалась догматическому настрою. Эстер выглядела скорее встревоженной, нежели стремившейся победить

в споре. Он почувствовал волну нежности к ней. Что бы ни произошло, она всегда останется на его стороне.

Но он все равно упрямо помотал головой.

– Я не единственный, кого касается содержание этого письма. Есть еще, по крайней мере, пятеро парней, которые захотели бы сбежать отсюда, если бы только знали, что они могут это сделать. И как насчет будущих поколений шахтеров?

Она пристально посмотрела на него.

– Возможно, ты прав. Но подлинная причина состоит не в этом, верно? Ты хочешь встать перед всеми в церкви и доказать, что хозяин шахты нарушает закон.

– Вовсе нет! – воскликнул Мак. Но потом ненадолго задумался и усмехнулся. – Хотя в твоих словах заключена доля истины. Мы наслушались столько проповедей о том, что должны повиноваться закону и подчиняться людям, более достойным, чем мы сами. А теперь мы узнали, что все это время нам лгали по поводу одного из законов, который влияет на жизни нас всех. Разумеется, я хочу подняться и объявить об этом во весь голос.

– Не стоит давать им повод наказать тебя, – с той же обеспокоенностью сказала она.

Он попытался успокоить ее.

– Я буду вести настолько себя вежливо и смиренно, насколько смогу. Ты меня просто не узнаешь.

– Смирено! – В ее тоне звучал скептицизм. – Хотела бы я на это посмотреть.

– Я всего лишь собираюсь растолковать смысл закона. Разве в этом есть что-то неправильное?

– Слишком неосторожно.

– Да, неосторожно, – согласился он. – Но я готов так или иначе пойти на риск.

Они пересекли гребень холма и стали спускаться по его противоположному склону обратно к «Угольной шахте Глен». И чем ниже спускались, тем менее холодным становился воздух. Вскоре показалось небольшое каменное здание церкви, стоявшей рядом с мостом, переброшенным через грязную здесь воду реки.

Поблизости от церкви теснилось несколько лачуг мелких фермеров. Это были круглой формы хижины с открытым очагом в центре земляного пола и с отверстием в крыше вместо дымохода. В единственной комнате на протяжении всей зимы обитали и люди, и скот. Дома шахтеров, стоявшие выше и ближе к входам в шахту, выглядели намного лучше. Хотя полы в них тоже были земляными, а кровли покрыты дерном, в каждом из них имелась настоящая печь с трубой, а маленькие оконца у дверей даже застеклили. Кроме того, шахтерам не приходилось делить внутреннее пространство с коровами. Но все же фермеры считали себя свободными, независимыми людьми, а потому смотрели на горняков сверху вниз.

Однако не вид крестьянских халуп привлек сейчас внимание Мака и Эстер, заставив замереть на месте. Закрытая карета с запряженной в нее парой ухоженных серых лошадей в добротной сбруе стояла перед крыльцом церкви. Несколько дам в широких юбках и в меховых накидках выбирались из экипажа с помощью пастора, придерживая модные кружевные шляпки.

Эстер прикоснулась к руке Мака и указала в сторону моста. По нему как раз проезжал на крупном гнедом охотничьем скакуне, склонив голову под пронизывающим ветром, владелец шахты собственной персоной – хозяин этой части долины сэр Джордж Джеймиссон.

Его не видели в этих краях уже лет пять. Он постоянно жил в Лондоне, куда неделю нужно было плыть на корабле или добираться две недели каретой. О нем ходили слухи, что когда-то он был считавшим каждое пенни бакалейщиком в Эдинбурге, продавая свечи и джин в небольшой лавчонке на углу, причем не совсем чистым на руку. Но потом один из его родственников скоропостижно скончался в молодом возрасте, и Джорджу достались в наследство и замок, и угольная шахта. На этом скромном основании он сумел создать настоящую импе-

рию, простиравшуюся даже в столь невообразимо далекие места, как Барбадос и Виргиния. И стал теперь на редкость респектабельным человеком: баронетом, мировым судьей и членом муниципального совета Уоппинга, отвечавшим за поддержание закона и порядка вдоль всей прибрежной линии Лондона.

Он явно нанес визит в свои шотландские владения, сопровождаемый членами семьи и гостями.

– Что ж, вот и все, – не без облегчения произнесла Эстер.

– О чем это ты? – спросил Мак, хотя мог бы и догадаться.

– Ты теперь не сможешь прочитать вслух текст письма.

– Почему же?

– Малакай Макэш! Не строй из себя круглого дурака! – воскликнула она. – Ты же не станешь делать этого в присутствии самого нашего лорда и хозяина!

– Напротив, – упрямо сказал он. – Так будет даже лучше.

Глава вторая

Лиззи Хэллим наотрез отказалась добираться до церкви в экипаже. Дорога, ведущая туда от замка Джеймиссона, давно превратилась в неровные, покрытые рытвинами колеи, а ее грязные обочины смерзлись, став тверже камня. Поездка обернулась бы ужасающей тряской, карета двигалась бы со скоростью пешехода, а пассажиры прибыли бы на место с большим опозданием, ооченевшие и покрытые синяками. Она настояла на том, чтобы отправиться в церковь верхом.

Подобное недостойное высокородной женщины поведение приводило ее мать в отчаяние.

– Не представляю, как ты сможешь когда-нибудь найти для себя хорошего мужа, если станешь вечно подражать во всем мужчинам, – сказала леди Хэллим.

– Уж я-то смогу найти себе мужа, как только пожелаю, – ответила Лиззи. И ведь верно: мужчины постоянно влюблялись в нее. – Проблема заключается в том, чтобы встретить такого, общество которого мне не опротивеет уже за полчаса.

– Проблема в том, чтобы найти жениха не из пугливых, – пробормотала ее матушка.

Лиззи рассмеялась. Они обе были правы. Мужчины влюблялись в нее с первого взгляда, но как только узнавали поближе, спешили в панике отступить. Ее высказывания уже не первый год шокировали сливки общества в Эдинбурге. На своем первом же бале, общаясь с тремя престарелыми вдовами, она заметила, что у главного шерифа города слишком толстая задница, после чего ее репутацию уже ничто не могло улучшить. Весной прошлого года мать привезла ее в Лондон, чтобы ввести в высшие круги английской столицы. Это обернулось катастрофой. Лиззи разговаривала слишком громко, чересчур много смеялась и откровенно издевалась над «изящными манерами» и облегающими нарядами молодых денди, пытавшихся ухлестывать за ней.

– А все потому, что ты выросла в доме, где не было настоящего мужчины, – добавила матушка. – Вот отчего ты выросла такой независимой и своенравной.

С этими словами она села в карету.

Лиззи же пересекла выложенный камнем внутренний двор замка Джеймиссона и направилась к конюшням, расположенным с его восточной стороны. Ее отец умер, когда ей исполнилось три года, и она почти не помнила его. Однажды она поинтересовалась, что погубило папашу, на что мать коротко ответила: «Печень». В подробности она вдаваться не стала. Вот только отец оставил их без гроша в кармане. Годами мать ухитрялась кое-как выживать, закладывая все более и более крупные участки усадьбы семьи Хэллим, дожидаясь, чтобы Лиззи выросла и вышла замуж за состоятельного человека, способного избавить их от материальных затруднений. И вот Лиззи превратилась в двадцатилетнюю девушку – настала пора оправдать возлагавшиеся на нее надежды, исполнить миссию, предначертанную ей судьбой.

Несомненно, что именно по этой причине семья Джеймиссонов решила после долгих лет отсутствия провести свои шотландские владения, а их самыми почетными гостями стали соседи – Лиззи и ее мамаша, жившие от их замка всего в десяти милях. Официальным предлогом для намеченных торжеств был объявлен двадцать первый день рождения младшего сына Джея, но на самом деле целью мероприятия послужило желание Джеймиссонов выдать Лиззи замуж за своего старшего сына – Роберта.

Мать Лиззи благословляла будущий брак, поскольку Роберту предстояло однажды унаследовать огромное состояние. Сэр Джордж приветствовал женитьбу, потому что стремился присоединить земли усадьбы Хэллимов к огромному поместью семьи Джеймиссонов, сделав его еще обширнее. Роберт тоже был не против жениться на красавице соседке, если судить по тому заботливому вниманию, которое он уделял Лиззи с момента ее приезда в замок, хотя кто мог на самом деле разобраться в реальных чувствах к ней Роберта? Чужая душа – потемки.

Сейчас она увидела его стоявшим перед конюшнями в ожидании, пока оседлают лошадей. Он напоминал чертами лица портрет своей матери, висевший в холле замка, – серьезной, не слишком яркой внешности женщины с роскошными волосами, светлыми глазами и неожиданно решительным абрисом линии рта. В нем не замечалось никаких очевидных изъянов: далеко не урод, не слишком толст, не чрезмерно худощав, не пропах потом, не злоупотреблял спиртным и не одевался с подчеркнутой элегантностью, как лондонские повесы, уподоблявшиеся модным девицам. Он поистине лакомый кусочек, подумала Лиззи, и если сделает предложение, она, вероятно, ответит согласием. Конечно же, она не влюбилась в него, но крепко усвоила веление долга перед матерью.

Ей захотелось завести с ним легкую и немного шутивную беседу.

– С вашей стороны не очень-то вежливо постоянно жить в Лондоне, – сказала она.

– Не вежливо? Но почему? – Он нахмурил брови.

– Вы оставляете нас совсем без соседей. – Он все еще выглядел слегка удивленным. Начиная казаться, что он не обладал сколько-нибудь развитым чувством юмора. Ей пришлось пояснить свою мысль: – Без вас здесь не остается ни одной живой души до самого Эдинбурга.

– Если не считать сотен семей шахтеров и нескольких деревень, населенных мелкими фермерами и крестьянами, – донесся голос у нее из-за спины.

– Вы знаете, что я имею в виду, – сказала она, оборачиваясь. Мужчина, заговоривший с ней, был для нее незнакомцем. И со своей привычной прямоотой она спросила: – Но кто вы такой, позвольте полюбопытствовать?

– Джей Джеймиссон, – ответил он с поклоном. – Более умный брат Роберта. Неужели вы могли забыть обо мне?

– О, простите мою оплошность! – Она слышала, что он приехал вчера вечером, но не узнала его. Пять лет назад он был на пять дюймов ниже ростом с прыщами на лбу и с лишь легким светлым пушком, покрывавшим щеки. Теперь он стал значительно более привлекательным. Вот только он и тогда не отличался особым умом, и она сомневалась, что в этом смысле с ним произошли разительные перемены. – Да, я вас помню. Все та же самонадеянность.

Он ухмыльнулся.

– В таком случае искренне жаль, что у меня перед глазами не было вас в качестве образца скромности и самоуничижения, чтобы подражать ему, мисс Хэллим.

– Привет, Джей, – сказал Роберт. – Добро пожаловать в замок Джеймиссонов.

Джей внезапно помрачнел.

– Оставь этот хозяйский и покровительственный тон, Роберт. Ты в самом деле старший из сыновей в семье, но поместья пока не унаследовал.

Лиззи поспешила вмешаться:

– Примите поздравления.

– Благодарю вас.

– Вам исполнился двадцать один год именно сегодня?

– Да.

– Ты собираешься ехать в церковь верхом вместе с нами? – нетерпеливо спросил Роберт.

Лиззи заметила ненависть, блеснувшую в глазах Джея, но голос его не выдавал никаких эмоций:

– Да. Я распорядился оседлать лошадь и для меня тоже.

– Тогда нам будет лучше отправляться без промедления. – Роберт повернулся в сторону конюшни и выкрикнул: – Эй, вы там! Поторопитесь!

– Все готово, сэр, – отозвался изнутри конюх, и почти сразу во двор вывели три лошади. Точнее, две лошади – буланую кобылу и гнедого мерина, – а в придачу к ним низкорослого, но крепкого вороного пони.

– Насколько понимаю, этих чудищ наняли у одного из барышников в Эдинбурге, – заметил Джей критически.

Но он подошел к мерину, похлопал по шее и дал без помех понюхать свой синий костюм для верховой езды. Лиззи поняла, что он разбирался в лошадях и относился к ним почти с любовью.

Она вскочила в женское седло на черном пони, и животное затрусил из ворот замка. Братья последовали за ней. Джей на мерине, Роберт на кобыле. Ветер швырял в лицо Лиззи пригоршни мелкого мокрого снега, а снежный покров на дороге делал ее предательски опасной, скрывая ямы в фут глубины, заставлявшие лошадей то и дело спотыкаться.

– Давайте поедem через лес, – предложила Лиззи. – Там не так ветрено и тропа более ровная.

И не дожидаясь согласия мужчин, она заставила пони свернуть с дороги и углубиться в старый лес.

Под стволами высоких сосен почти не рос подлесок. Ручейки и заболоченные участки накрепко схватил мороз, а всю почву покрывал тонкий белый слой пороши. Лиззи прищипорила пони и принудила перейти на легкий галоп. Уже скоро ее обогнал гнедой конь. Она подняла взгляд и заметила насмешливый вызов во взгляде Джея: ему захотелось посоревноваться. Издав лихой клич, Лиззи снова прищипорила пони, который охотно отозвался и рванулся еще быстрее вперед.

Они теперь стремительно скакали сквозь чащу, пригибая головы под нижними ветками деревьев, заставляя животных перепрыгивать через поваленные стволы и отважно преодолевать небольшие речушки, вздымая тучи брызг. Конь Джея был больше и сильнее. На ровной местности он не оставил бы пони ни шанса, но коротконогий малыш лучше приспособился к сложным условиям леса, и постепенно Лиззи вырвалась далеко вперед. Когда она даже перестала слышать топот копыт коня Джея, замедлила темп скачки, а потом и вовсе остановилась посреди поляны.

Джей вскоре присоединился к ней, но Роберта они по-прежнему не видели и не слышали. Лиззи догадалась, что у старшего брата хватило разума не рисковать сломать себе шею в бессмысленной гонке. Они с Джем медленно поехали дальше рядом, переводя дух. От разгоряченных скакунов поднимался пар, ездовых обдавало блаженным теплом.

– Хотел бы я побить вас в настоящих скачках по прямой, – сказал Джей.

– Сидя прямо в мужском седле, я бы вас снова опередила, – упрямо заявила она.

Его это, как показалось, несколько шокировало. Все женщины, принадлежавшие к благородному сословию, ездили верхом в особых седлах, свесив обе ноги в одну сторону. Дама, садившаяся на коня по-мужски, считалась бы вульгарной. Лиззи же подобная идея всегда представлялась вздором, и если выдавался случай прокатиться в одиночестве, она неизменно пользовалась мужской посадкой.

Краем глаза она наблюдала за Джем. Его мать Алисия, вторая жена сэра Джорджа, была светловолосой светской кокеткой. Джей унаследовал от нее голубые глаза и обаятельную улыбку.

– Чем вы занимаетесь в Лондоне? – спросила Лиззи.

– Служу в Третьем полку пеших гвардейцев. – В его голос закралась нотка гордости, когда он добавил: – Меня только что произвели в капитаны.

– Отлично, капитан Джеймиссон! Так расскажите же мне, в чем состоят обязанности столь храбрых солдат? – Ее вопрос прозвучал язвительно. – Разве в Лондоне сейчас идет война? И вам приходится убивать множество врагов?

– Нам хватает забот, чтобы держать под контролем толпу враждебного простонародья.

Лиззи сразу же вспомнилось, каким вредным и грубым мальчишкой был когда-то Джей, и ей подумалось, что ему, пожалуй, может доставлять удовольствие подобная служба.

– И каким же образом вы держите всех под контролем? – спросила она.

– Мы, к примеру, eskortируем преступников на эшафот для повешения, гарантируя, что сообщники не попытаются спасти их, прежде чем палач справится со своей работой.

– Так вы, стало быть, участвуете в убийстве англичан, как и положено настоящему шотландскому герою.

Джей, как ей показалось, не сердился на ее поддразнивания.

– Настанет день, и я подам в отставку, чтобы уехать за границу, – сказал он.

– Но почему?

– В этой стране никто не уделяет должного внимания младшим сыновьям в семьях. Даже слуги задумываются и колеблются, исполнять ли твое распоряжение.

– А вы считаете, что где-то все может обстоять иначе?

– Все совершенно по-другому в колониях. Я прочитал об этом во многих книгах. Люди там более свободны и общительны. Тебя оценивают только лишь в меру твоих личных достоинств.

– Что вы будете там делать?

– Моя семья владеет плантацией сахарного тростника на Барбадосе. Я надеюсь, отец подарит мне ее на день рождения как мою долю в своем наследстве, если угодно.

Лиззи осознала, что почти готова завидовать ему.

– Счастливчик, – сказала она и призналась: – Лично я ничего не желала бы больше, чем отправиться в далекую страну. До чего же это увлекательно, должно быть.

– Условия жизни там достаточно суровые и примитивные, – сказал он. – Вам скоро станет не хватать привычного комфорта – магазинов, оперы, французской моды и тому подобного.

– Меня все это мало привлекает, – презрительно отозвалась Лиззи. – Ненавижу тряпки и тряпичниц. – На ней была широкая юбка с узким, жавшим в талии корсетом. – Мне бы хотелось одеваться по-мужски. Носить бриджи, рубашки, высокие сапоги, как у кавалеристов.

Он рассмеялся.

– Это стало бы, наверное, чересчур смело даже для Барбадоса.

Лиззи между тем уже думала: «Если Роберт предложит мне перебраться на Барбадос, я выскочу за него замуж немедленно».

– А еще там за тебя всю работу выполняют рабы, – добавил Джей.

Они выехали из леса всего в нескольких ярдах выше по течению реки от моста. На противоположном берегу шахтеры выстроились в очередь, чтобы войти в церковь.

Лиззи не оставляли мысли о Барбадосе.

– Странно, должно быть, владеть рабами, делать с ними все, что пожелаешь, словно они не люди, а домашний скот, – сказала она. – Вам самому не кажется это странным?

– Нисколько, – ответил Джей с милейшей улыбкой.

Глава третья

Небольшое помещение церкви заполнилось до отказа. Значительную часть мест в центре заняли Джеймиссоны и их гости – женщины в необъятно широких юбках и мужчины при шпагах с треуголками на головах. Шахтеры и фермеры, составлявшие основную массу конгрегации в обычное воскресенье, сумели оставить пустой коридор между собой и знатью, словно опасались случайно прикоснуться к изысканным одеяниям и испачкать их угольной пылью или навозом.

Мак нарочито громко разговаривал с Эстер, но при этом держался настороже. Владелец шахты был наделен правом пороть непокорных рабочих. Сэр Джордж Джеймиссон являлся к тому же еще и мировым судьей, а это означало, что он мог запросто приговорить любого к повешению, и никто не посмел бы оспорить его вердикт. Мак действительно подвергал себя безрассудному риску навлечь гнев столь могущественного человека.

Но ведь правда оставалась за ним. С Маком и другими шахтерами обходились несправедливо, незаконно, и каждый раз, когда он думал об этом, им овладевала такая злость, что он был готов кричать обо всем с крыши каждого дома в деревне. Он не мог распространить новость втихаря, как будто в ней не заключалась истина. Следовало либо выступить открыто и отважно, либо отступить.

На мгновение он задумался о возможности промолчать. Зачем нарываться на неприятности? Но затем зазвучал псалом, и горняки гармонично подхватили его, заполнив церковь своими взволнованными голосами. У себя за спиной Мак мог слышать высокий тенор Джимми Ли, лучшего певца в деревне. И пение заставило его мысленно вернуться к долине Хай Глен, к мечте о свободе. Он обуздал свои нервы, полностью овладел собой и преисполнился решимости исполнить намеченный план.

Пастор – преподобный Джон Йорк – был сорокалетним добряком с начавшей редеть шевелюрой. Он говорил с запинками, явно попав под впечатление от великолепия редких в его церкви высокородных визитеров. Темой проповеди он на сей раз избрал Истину. Как он отреагирует, когда Мак прочитает вслух письмо? Инстинктивно он, разумеется, захочет встать на сторону владельца шахты. Вероятно, он даже получил приглашение отобедать в замке по окончании службы. Но в то же время он все-таки оставался священником. В его обязанности входило выступать в защиту справедливости и закона независимо от мнения сэра Джорджа, не так ли?

Простые каменные стены церкви были лишены каких-либо украшений. Огня для отопления не разводили, и дыхание Мака паром затуманивало холодный воздух. Он всматривался в тех, кто приехал из замка. Ему были знакомы почти все члены семьи Джеймиссон. Когда Мак был еще мальчишкой, он невольно проводил в замке много времени. Сэра Джорджа трудно было бы не различить по неизменно красному лицу и толстому брюху. Рядом с ним сидела его жена в узорчатом розовом платье, которое выглядело бы очень красивым на более молодой женщине. Роберту, старшему из сыновей, молодому человеку с жестким взглядом и не умевшему улыбаться, уже исполнилось двадцать шесть, и он постепенно начал приобретать пухлый живот и прочие округлые формы тела отца. Его соседом был привлекательный светловолосый молодой мужчина примерно одного с Маком возраста – наверняка это Джей, младший сын. Еще в шесть лет Мак играл с Джем в соседнем с замком лесу почти каждый день, и тогда оба думали, что на всю жизнь останутся друзьями. Но уже следующей зимой Мак начал трудиться на шахте, и у него больше никогда не оставалось досуга для игр.

Узнал он и некоторых из гостей Джеймиссонов. К примеру, леди Хэллим и ее дочь Лиззи. Лиззи Хэллим давно стала источником сенсационных сплетен и скандальных новостей по всей округе. Ходили слухи, будто она разгуливает в мужском костюме и носит на плече ружье. Она

была способна отдать собственные башмаки босоному ребенку, а потом отругать его мать за небрежное содержание своего дома. Мак не встречался с ней уже несколько лет. В усадьбе Хэллимов построили свою церковь, а потому обычно по воскресеньям они не приезжали сюда, появляясь в деревне только в тех крайне редких случаях, когда в замок наведывались Джеймиссоны. И теперь Мак вспомнил последний раз, когда видел Лиззи. Ей исполнилось лет пятнадцать. Ее нарядно одели в стиле настоящей леди, но она, как простой мальчишка, принялась тогда кидать камни в белок.

Мать Мака в свое время служила горничной в особняке Хай Глен, основном доме семьи Хэллим, но даже после замужества иногда наведывалась туда по воскресеньям, чтобы повидаться с друзьями из числа прислуги и похвастаться красотой своих близнецов. Мак и Эстер играли с Лиззи во время таких визитов. Причем леди Хэллим могла даже не догадываться об этом. Лиззи всегда была проказницей и шалуньей, но в ней рано стали проступать черты хозяйки – эгоистичной и избалованной. Однажды Мак осмелился поцеловать ее. В отместку она больно отгаскала его за волосы, заставив расплакаться. Сейчас она выглядела так, словно в ней мало что изменилось. У нее оставалось то же округлое лицо с постоянно озорным выражением, выющиеся темно-русые волосы и почти черные глаза, легко прятавшие лукавство во взгляде. Рот имел изгиб розового боевого лука. Рассматривая ее, Мак подумал: а ведь я не прочь снова попытаться поцеловать эту девушку. И стоило подобной мысли промелькнуть в его сознании, как она поймала на себе его взгляд. Он в смущении отвернулся, словно опасался, что ей удастся понять, какая дерзкая идея пришла ему в голову.

Проповедь подошла к концу. Но сегодня в дополнение к обычной пресвитерианской службе намечались крестины. Джен – двоюродная сестра Мака – родила своего четвертого ребенка. Ее старшенький, Вулли, уже работал в шахте. И Мак решил, что самым подходящим временем для подготовленного им заявления станет один из моментов обряда крещения. И по мере того, как это мгновение становилось все ближе, у него внизу живота начало нарастать несколько тошнотворное ощущение. Ему пришлось собрать волю в кулак и запретить себе думать о глупостях. Он ежедневно рисковал жизнью, спускаясь в шахту. Так с чего ему так нервничать, выступая против толстопузого богача?

Джен уже стояла у купели с предельно усталым видом. Ей едва исполнилось тридцать, но она родила четверых детей, сама двадцать три года работала в шахте и выглядела изможденной. Мистер Йорк опрыскал водой головку младенца. А потом ее муж Сол повторил словесную формулу, превращавшую прежде в рабов всех сыновей шотландских шахтеров.

– Я клятвенно налагаю на это дитя обязательство работать в шахтах сэра Джорджа Джеймиссона мальчиком и мужчиной, пока он будет способен трудиться, или же до наступления его смерти.

Именно этот момент избрал для решительного вмешательства Мак.

Он резко поднялся со скамьи.

Обычно после произнесения клятвы надсмотрщик Гарри Рэтчет должен был подойти к купели и вручить Солу так называемый «честный залог», традиционную, но чисто символическую плату за передачу хозяину в полную собственность своего сына – кошелек с десятью фунтами. Однако, к величайшему удивлению Мака, на сей раз сэр Джордж вознамерился лично совершить ритуал.

Он тоже поднялся со своего места и почти сразу заметил, как пристально смотрит на него Мак.

Несколько секунд двое мужчин стояли неподвижно, вглядываясь друг в друга.

Затем сэр Джордж направился к купели.

В свою очередь Мак вышел в центральный проход церкви и громогласно сказал:

– Выплата «честного залога» – устаревшая и бессмысленная процедура!

Сэр Джордж застыл, приподняв ногу для очередного шага, а головы всех присутствовавших повернулись в сторону Мака. Воцарилась мертвая тишина. Мак даже мог слышать сейчас биение своего сердца.

– Вся эта церемония не имеет никакой юридической силы, – продолжал Мак. – Новорожденный мальчик не может быть клятвенно передан в собственность владельца шахты. Ребенка нельзя обратить в рабство.

Ожил и заговорил сэр Джордж:

– Сядьте на свое место, молодой дурак, и немедленно заткнитесь.

Высокомерное пренебрежение разозлило Мака до такой степени, что у него пропали последние сомнения.

– Нет, это вы сядьте на свое место, – ответил он, отбросив опасения, и конгрегация дружно охнула от подобной дерзости. Мак указал на мистера Йорка: – Вы говорили в своей проповеди об истине, пастор. А сами готовы сейчас встать на защиту правды?

Святой отец смотрел на Мака с нескрываемой тревогой.

– О чем вы толкуете, Макэш?

– О рабстве!

– Бросьте, вы не хуже меня знаете шотландский закон, – сказал Йорк увещающим тоном. – Шахтеры-угольщики являются собственностью владельца шахты. Как только мужчина проработает ровно год и один день, он лишается своей свободы.

– Верно, – отозвался Мак. – Закон порочен, но это закон. Однако я лишь хочу подчеркнуть, что даже такой закон не позволяет обращать в рабство детей, и могу доказать это.

Подал голос Сол.

– Но мы нуждаемся в деньгах, Мак! – выдвинул он свое возражение.

– Возьмите деньги, – кивнул Мак. – Ваш мальчик отработает на сэра Джорджа, пока ему не исполнится двадцать один год, и его труд окупит полученные десять фунтов с лихвой. Но... – Он заговорил еще громче. – Но как только достигнет совершеннолетия, *он станет свободным!*

– Советую вам попридержаться язык, – сказал сэр Джордж угрожающе. – Вы ведете опасные речи.

– Но я тем не менее говорю правду, – упрямыствовал Мак.

Сэр Джордж окончательно побагровел. Он не привык, чтобы с ним препирались так настойчиво.

– Я с вами сам разберусь, когда закончится церковная служба, – с яростью пообещал он. Передав кошелёк Солу, магнат обратился к пастору: – Продолжайте, пожалуйста, мистер Йорк.

Мак на мгновение растерялся. Неужели они просто продолжают молебен как ни в чем не бывало?

Пастор провозгласил:

– Так давайте же споем завершающий псалом.

Сэр Джордж вернулся на свое место. Мак по-прежнему стоял, не способный поверить, что все закончилось.

– Псалом номер два. «Почему бесчинствуют еретики, а люди веруют ложно?»

Но из-за спины Мака вдруг донесся голос:

– Нет, нет, погодите!

Мак оглянулся. Это был Джимми Ли, молодой шахтер и превосходный певец. Он уже однажды пытался сбежать и теперь в наказание должен был носить железный ошейник с вырезанными на нем словами: «Этот мужчина является частной собственностью сэра Джорджа Джеймиссона из Файфа. 1767 г. н. э.». Благослови тебя бог, Джимми, подумал Мак.

– Вы не можете теперь остановиться, – продолжал тот. – На будущей неделе мне исполняется двадцать один год. И если мне положена после этого свобода, я хочу все узнать об этом.

Ма Ли, матушка Джимми, поддержала сына:

– И мы все тоже.

Она была сильной женщиной, давно лишившейся всех зубов, но пользовавшаяся большим уважением в деревне, и с ее мнением приходилось считаться. Еще несколько мужчин и женщин восклицаниями выразили свое согласие с ней.

Эстер тянула Мака за рукав.

– Письмо! – взволнованно шептала она. – Покажи им письмо!

Охваченный волнением Мак совершенно забыл о письме.

– В законе все изложено иначе, сэр Джордж, – выкрикнул он, размахивая над головой письмом.

– Что это за документ, Макэш? – спросил пастор.

– Письмо от лондонского юриста, у которого я проконсультировался.

Сэра Джорджа охватил такой безудержный гнев, что казалось, он готов от него взорваться. Маку оставалось только радоваться, поскольку их разделяли несколько рядов скамей и хозяин шахты не мог при всем желании вцепиться ему в горло.

– Ты посмел проконсультироваться с юристом? – возопил он, брызжа слюной.

Сам по себе этот факт, по всей видимости, разъярил его больше всего.

– О чем говорится в письме? – спросил Йорк.

– Я прочитаю его вам, – сказал Мак. – «Церемония «честного залога» не является обоснованной ни английским, ни шотландским законом». – Среди паствы пробежал гул удивления. Это противоречило всему, во что этих людей прежде заставляли верить. – «Родители не имеют права продавать то, чем они не владеют, а именно – свободу взрослого мужчины. Они могут принудить своего ребенка работать на шахте до достижения им возраста двадцати одного года, но затем... – Мак сделал исполненную драматизма паузу и прочитал следующую фразу очень медленно и отчетливо: – Но затем он получит свободу и возможность уйти!»

И сразу же каждому захотелось высказать что-то свое. Воцарился хаотичный шум, когда не меньше сотни людей пытались говорить, кричать, восклицать или задавать вопросы. Не менее половины присутствовавших в церкви мужчин подверглись процедуре клятвенного обещания еще детьми, а потому всегда считали себя обреченными на рабский труд. А теперь им сообщили, что их обманули, и им не терпелось узнать правду.

Мак поднял руку, призывая всех успокоиться, и почти мгновенно в церкви вновь стало тихо. На мгновение он сам поразился своей власти.

– Позвольте мне все же прочитать еще одну строку, – сказал он. – «Однако как только мужчина достигает совершеннолетия, закон становится применим к нему, как и к любому другому жителю Шотландии. Отработав *в зрелом возрасте* год и один день, он лишается своей свободы».

Послышались возгласы, исполненные злости и разочарования. Никакой революции не произошло, поняли эти мужчины. Большинство из них не могли стать свободными сейчас, как и прежде. Но вот их сыновья имели возможность избежать такой же участи.

– Дайте мне взглянуть на письмо, Макэш, – попросил Йорк.

Мак прошел к алтарю и передал письмо священнику.

Все еще пылавший гневом сэр Джордж задал вопрос:

– И кто же он, этот ваш так называемый юрист?

– Его зовут Каспар Гордонсон, – ответил Мак.

– О да, – вскинул голову Йорк, – я о нем слышан.

– Как и я сам, – презрительно подтвердил сэр Джордж. – Неисправимый радикал! Тесно связан с Джоном Уилксом. – Имя Уилкса было знакомо всем. Это был знаменитый лидер либералов, живший ссыльным в Париже, но постоянно угрожавший вернуться и свергнуть правительство в Лондоне. Сэр Джордж продолжал: – Гордонсона повесят за это. Я уж приложу к этому все усилия. Это письмо равнозначно государственной измене.

Пастора шокировало упоминание о казни.

– Не думаю, что здесь может идти речь о государственной измене...

– А вам будет лучше ограничиться делами божественными, – резко оборвал его сэр Джордж. – И предоставьте нам, мирянам, решать, что является предательством национальных интересов, а что – нет.

С этими словами он выхватил письмо из руки Йорка.

Паству повергло в шок столь грубое обращение со своим духовным наставником, и все замерли, ожидая его реакции на бесцеремонный выговор. Йорк поначалу невозмутимо выдерживал исполненный бешенства взгляд Джеймиссона, и у Мака возникла надежда, что пастор найдет возражения для знатного землевладельца. Но затем Йорк потупил взгляд, и Джеймиссон приобрел вид триумфатора. Он снова уселся, давая понять, что инцидент исчерпан.

Мака возмутила трусость Йорка. Предполагалось, что именно церковь обладала наибольшим моральным авторитетом. А пастор, подчинявшийся приказам богача, совершенно обесмысливал свою роль. Мак посмотрел на него с открытым пренебрежением, а потом спросил почти издевательским тоном:

– Так мы будем подчиняться закону или нет?

В этот момент поднялся Роберт Джеймиссон, раскрасневшийся от злобы, как и его отец.

– Вы непременно будете подчиняться закону, – сказал Роберт, – а ваш хозяин растолкует вам, в чем суть закона.

– Но это означает полнейшее беззаконие, – возразил Мак.

– Что лично для вас не имеет никакого значения, – ухмыльнулся Роберт. – Вы – простой шахтер, и законы вас несколько не касаются. А что до писем к юристам... – Он забрал листы у отца. – То вот что я думаю о вашем консультанте.

И он порвал письмо.

Шахтеры в голос охнули. Их будущее было описано на этих листках, а Роберт Джеймиссон только что уничтожил их.

Роберт продолжал рвать письмо на все более мелкие кусочки, а потом швырнул клочки в воздух. Они просыпались на Сола и Джен, как конфетти на свадьбе.

Мак ощутил такое горестное чувство, словно у него на глазах кто-то умер. Письмо стало самым важным событием, когда-либо случившимся в его жизни. Он собирался показать его каждому из обитателей деревни. Уже воображал, как отправится с ним в другие шахтерские поселки, пока его содержание не станет известным по всей Шотландии. А Роберт разрушил его мечты в одно мгновение.

Должно быть, ощущение поражения отчетливо читалось на его лице, поскольку Роберт возомнил себя победителем и не скрывал этого. При виде его Мак теперь сам пришел в неистовство. Им не удастся так легко раздавить его. Ожесточение только подхлестнуло решимость. «Со мной еще далеко не покончено, – подумал он. – Письма больше нет, но закон остался прежним».

– Как я вижу, вы достаточно перепугались, чтобы уничтожить письмо, – сказал он и сам удивился пренебрежительно брезгливой интонации в своем голосе. – Но вам не под силу уничтожить закона этой страны. Он изложен на бумаге, которую вы не сможете так легко порвать.

Роберта его тирада откровенно изумила. Он замялся, не зная, как ответить на столь красноречивые слова. Ему потребовалось время, чтобы собраться и с ненавистью произнести:

– Убирайтесь отсюда!

Мак посмотрел на Йорка, как и все семейство Джеймиссонов. Ни один мирянин не имел права изгонять члена конгрегации из церкви. Неужели пастор сдастся и позволит сыну землевладельца вышвырнуть за порог представителя своей паствы?

– Этот дом принадлежит богу или сэру Джорджу Джеймиссону? – потребовал ответа Мак.

Наступил решающий момент, а Йорку не хватало характера, чтобы выдержать напряжение. Не сумев скрыть стыда за себя, он все же сказал:

– Вам действительно лучше будет уйти, Макэш.

Мак не удержался от язвительной прощальной ремарки, хотя понимал ее бессмысленность.

– Что ж, благодарю вас за проповедь об истине, пастор, – сказал он. – Поверьте, я ее никогда не забуду.

Он повернулся к выходу. Эстер последовала за братом. Когда они шли по центральному проходу, со скамьи встал Джимми Ли и присоединился к ним. Поднялись еще двое или трое, а затем на ноги вскочила Ма Ли, и внезапно исход из церкви стал массовым. Раздавался громкий стук башмаков и хруст накрахмаленных платьев по мере того, как шахтеры покидали свои скамьи и уводили за собой семьи. Уже добравшись до двери, Мак понял, что вслед за ним все шахтеры выходили из церкви, и его охватило настолько глубокое чувство общности с ними и итоговой победы, что слезы навернулись на глаза.

Они собрались вокруг него в церковном дворе. Ветер утих, но пошел снег, и его крупные хлопья плавно и лениво опускались на надгробные камни погоста.

– Он поступил скверно, порвав письмо, – со злостью сказал Джимми.

Раздались несколько голосов тех, кто разделял его мнение.

– Мы снова напишем в Лондон, – заявил кто-то.

Но Мак возразил:

– Может оказаться не так-то легко отправить подобное письмо во второй раз.

Ему трудно было сейчас сосредоточиться на подобных деталях. Он тяжело дышал, ощущал усталость, но и радость, какую испытывал, поднявшись на самую высокую вершину гор Хай Глен.

– Закон есть закон! – заявил еще один шахтер.

– Да, но и хозяин есть хозяин, – отозвался его более осторожный товарищ.

Немного успокоившись, Мак принялся оценивать с реальной точки зрения, чего он добился. Верно, ему удалось, конечно, заставить каждого всерьез задуматься, но от одного только этого ничто по-настоящему не менялось. Джеймиссоны наотрез отказались признать закон и подчиниться ему. И если они не пойдут на попятную, что могли сделать шахтеры? Был ли хоть какой-то толк в продолжении борьбы за справедливость? Не лучше ли покориться хозяину и надеяться однажды получить должность надсмотрщика, как Гарри Рэтчет?

Небольшая фигурка, закутанная в черный мех, стремительно выскочила на крыльцо церкви, как охотничья собака, спущенная с поводка. Это была Лиззи Хэллим. Она направилась напрямик к Маку. Шахтеры расступились перед ней.

Мак удивленно уставился на нее. Она выглядела достаточно привлекательно со спокойным лицом, но сейчас, пылая негодованием, стала без преувеличения восхитительно красивой. Ее черные глаза сверкали огнем, когда она спросила:

– Кто вы такой, по-вашему?

– Меня зовут Малакай Макэш...

– Мне известно ваше имя. Но кто вы такой, чтобы осмеливаться разговаривать в подобном тоне со здешним землевладельцем и с его сыном?

– А как смеют они превращать нас в рабов, если закон запрещает им это?

Среди шахтеров раздались одобрительные возгласы.

Лиззи огляделась, всматриваясь в окружавших ее людей. Снежинки налипали на мех ее шубки. Одна приземлилась прямо на кончик носа, и ей пришлось смахнуть ее нетерпеливым жестом.

– Вам повезло вообще иметь работу, за которую платят деньги, – заявила она. – Вы все должны испытывать глубокую благодарность к сэру Джорджу за то, что он построил шахту, обеспечив ваши семьи средствами к существованию.

Ответил ей Мак:

– Если мы такие счастливики, какими вы нас считаете, то почему им требуется закон, запрещающий нам покидать деревню и искать для себя другую работу?

– Потому что вы слишком глупы, чтобы понимать, насколько хорошо вам живется здесь!

Мак вдруг почувствовал удовольствие от этого спора. И не только из-за того, что перед ним стояла красивая женщина благородного происхождения. Как оппонент, она была значительно утонченнее сэра Джорджа и Роберта.

Он нарочито понизил голос и поинтересовался:

– Мисс Хэллим, вы когда-нибудь сами спускались в угольную шахту?

Ма Ли, услышав его вопрос, просто покатилась со смеху.

– Вот только не надо этих нелепостей, – отозвалась Лиззи.

– Просто если вам однажды доведется попасть туда, даю гарантию, что вы больше никогда не назовете нас везучими людьми.

– Я сыта по горло вашей наглостью, – сказала она. – Вас следовало бы хорошенько выпороть.

– Вполне вероятно, что именно порка меня и ожидает, – кивнул он, хотя сам не верил своим словам.

На его памяти порке не подвергался ни один из шахтеров, хотя это часто случалось во времена молодости его отца.

Ее грудь вздымалась от волнения. Ему приходилось прилагать усилия, чтобы даже мельком не смотреть на ее бюст.

– У вас есть заранее заготовленные ответы на любые вопросы, – сказала она. – И таким вы были всегда.

– Точно. Но вот только вы никогда не желали прислушиваться к моему мнению.

Он внезапно почувствовал, как острый локоть ударил его под ребра. Это Эстер напомнила ему об осторожности: еще никому не приносила пользы победа в споре с кем-то из высшего сословия.

– Мы обдумаем ваши слова, мисс Хэллим, – сказала сестра. – Спасибо вам за то, что вразумили нас.

Лиззи снисходительно кивнула.

– Вы ведь Эстер, не так ли?

– Да, мисс.

Лиззи вновь повернулась к Маку.

– Вам было бы разумнее внять сказанному вашей сестрой. Она обладает более развитым здравым смыслом, чем вы сами.

– Это первая неоспоримая истина, какую я услышал от вас сегодня.

– Мак! Заткни свою пасть! – прошипела Эстер.

Лиззи усмехнулась, и внезапно с нее слетела вся светская спесь. Ее лицо осветила улыбка, и она вдруг предстала перед ними совершенно другим человеком: дружелюбным и жизнерадостным.

– Боже, как же давно я не слышала такой фразы!

Потом она и вовсе рассмеялась, а Мак не удержался и захохотал ей в унисон.

Лиззи повернулась, все еще продолжая хихикать.

Мак наблюдал, как она вернулась на крыльцо церкви и присоединилась к Джеймиссонам, которые только сейчас начали выходить наружу.

– Господи, прости и помилуй! – воскликнул он, покачивая головой. – Но что за чудесная девушка!

Глава четвертая

Джея тоже вывела из себя бурная сцена в церкви. Его неизменно бесило, когда он видел, как люди забываются и превышают полномочия, отведенные их общественным статусом. В конце концов, на то была воля божья и закон страны, чтобы Малакай Макэш весь свой век добывал из-под земли уголь, а Джей Джеймиссон вел значительно более возвышенный образ жизни. И жаловаться на естественный порядок вещей значило поступать порочно. А у Макэша к тому же выработалась предельно раздражающая Джея отвратительная привычка разговаривать со всеми, как с равными себе, независимо от сословной принадлежности.

Вот в колониях раб всегда оставался рабом, и там не городили чепухи об отработке года и одного дня, даже речи не заводили об оплате труда. По мнению Джея, именно такую систему следовало ввести повсеместно. Без принуждения люди не стали бы добросовестно работать, а что принуждение часто оборачивалось жестокостью, то это только делало организацию производственного процесса более эффективной.

Когда он выходил из церкви, несколько фермеров поспешили поздравить его с двадцать первым днем рождения, но ни один шахтер не обратился к нему. Они стояли толпой рядом с кладбищем, беседуя между собой приглушенными, сердитыми голосами. Джей тоже злился на них, посмеявшихся омрачить для него праздничный день.

Он торопливо прошел по снежному покрову туда, где конюх присматривал за оставленными господами лошадьми. Там он застал Роберта, но Лиззи с ним не было. Джей огляделся, высматривая ее. Ему хотелось отправиться домой вместе с ней.

– Где мисс Элизабет? – спросил он у конюха.

– У крыльца церкви, мистер Джей.

Он увидел, как она ведет оживленный разговор о чем-то с пастором.

Роберт на удивление враждебно ткнул Джея пальцем в грудь.

– Послушай, Джей. Тебе лучше оставить Элизабет Хэллим в покое. Заруби это себе на носу.

При этом лицо Роберта приобрело не на шутку агрессивное выражение. Когда он находился в таком настроении, вступать с ним в пререкания становилось порой просто опасно. Но злость и расстройство придали Джею смелости.

– О чем, черт тебя побери, ты толкуешь? – спросил он.

– Не ты собираешься жениться на ней. Ее жених – я.

– Я вовсе не хочу жениться на ней.

– Тогда прекрати с ней флиртовать.

Джей знал, что Лиззи считает его привлекательным мужчиной, и ему самому нравилась легкая болтовня с ней, но он и не думал о попытках завоевать ее сердце. Когда ему было четырнадцать, а ей тринадцать лет, она казалась ему самой красивой девушкой в мире, и он мучился из-за того, что она им совершенно не интересовалась (как, впрочем, и никаким другим юношей). Но это было уже так давно. Отец желал женить на Лиззи Роберта, и ни Джей, ни кто-либо другой из членов семьи не пошел бы против воли сэра Джорджа. А потому Джея удивил мрачный настрой и жалоба Роберта. Это выдавало чувство неуверенности в себе, а ведь Роберт, как и его отец, крайне редко не ощущал своего превосходства над всеми.

Джею даже доставила удовольствие столь откровенная обеспокоенность брата.

– Чего ты опасаться? – прямо спросил он.

– Ты прекрасно понял, что я имею в виду. Ты крал мои вещи еще в детстве – игрушки, одежду и все остальное.

Застарелая неприязнь заставила Джея заявить:

– Потому что ты получал все, чего желал, а мне не доставалось ничего.

– Чепуха!

– Как бы то ни было, мисс Хэллим гостя нашего дома, – продолжал Джей уже более сдержанным тоном. – Я не могу совсем обходить ее своим вниманием, верно?

Губы Роберта сжались в тонкую линию и побелели.

– Ты хочешь, чтобы я обсудил это с отцом?

То были магические слова, положившие в свое время конец их многочисленным детским размолвкам. Оба брата знали, что их отец непременно вынесет решение в пользу Роберта. Прежние обиды и горечь комком подкатили к горлу Джея, но он лишь сказал:

– Так и быть, я постараюсь не мешать твоим ухаживаниям.

Он вскочил в седло и поскакал прочь, предоставив Роберту сопровождать Лиззи до замка.

Замок Джеймиссонов представлял собой настоящую крепость из темно-серого камня с башенками и подобиями бастионов вдоль линии крыши, и он подобно многим замкам в загородных усадьбах Шотландии возвышался над округой символом могущества и власти хозяев. Его возвели семьдесят лет назад после того, как первая шахта, начавшая работать в долине, стала приносить значительную прибыль своему владельцу.

И хотя Джей мог по праву считать его домом своего детства, ему не нравилось это место. Огромные, продуваемые сквозняками комнаты первого этажа – холл, столовая, гостиная, кухня и помещения для прислуги – окружали просторный внутренний двор с фонтаном, вода в котором замерзала каждый год с октября по май. Замок невозможно было прогреть. Камин в каждой спальне, где в огромных количествах сжигали уголь, добывавшийся в шахтах Джеймиссона, почти никак не влияли на вечно холодный воздух необъятных размеров комнат с каменными полами, а в коридорах стоял почти мороз, и приходилось даже надевать плащ, если ты хотел пройти из одного помещения в другое.

Десять лет назад семья перебралась в Лондон, оставив здесь лишь самый минимум слуг для поддержания в порядке дома и охраны дичи в окружавших его лесах. Какое-то время они возвращались каждый год, привозя с собой гостей и нанимая дополнительный обслуживающий персонал, арендуя в Эдинбурге лошадей и кареты, привлекая фермерских жен, чтобы отмывать вечно грязные полы, поддерживать огонь в очагах и опустошать за гостями ночные горшки. Но постепенно отец все более и более неохотно соглашался оставить свой столичный бизнес, и визиты в Шотландию сделались событиями очень редкими. Возрождение старой традиции в этом году не принесло Джею ни малейшей радости. Но вот повзрослевшая Лиззи Хэллим стала для него приятным сюрпризом, и не только потому, что давала ему возможность помучить ревностью своего всегда более привилегированного старшего брата.

Он объехал с тыльной стороны конюшни и спешил. Потрепал по шее мерина.

– Для скачек с препятствиями он, конечно, не пригоден, но конь отменно выезжен, – сказал Джей конюху, отдавая ему поводья. – Я был бы не прочь иметь такого в своем полку.

Конюх выглядел польщенным.

– Спасибо на добром слове, сэра, – с поклоном отозвался слуга.

Джей прошел в главный зал замка. Это были мрачные палаты с темными углами, которые почти не освещали свечи в канделябрах. Угрюмая шотландская борзая разлеглась на старом ковре перед камином, в котором пылал уголь. Джей носом ботинка отпихнул пса в сторону, чтобы самому пристроиться поближе к огню и согреть замерзшие руки.

Над камином висел портрет первой жены его отца, матери Роберта, которую звали Олив. Джей ненавидел эту картину. На ней женщина представала торжественной и надменной с напускным видом святой, и ее взгляд поверх слишком длинного носа высокомерно встречал каждого, кто приближался к очагу. Когда она подхватила лихорадку и скорострительно скончалась всего в двадцать девять лет от роду, отец женился вторично, но никогда не забывал о своей первой любви. С матерью Джея – Алисией – он обращался скорее как с любовницей, с игрушкой, не наделенной ни семейным статусом, ни какими-либо правами, что заставляло

порой Джея ощущать себя чуть ли не незаконнорожденным сыном. Роберт был первенцем, наследником, объектом особых забот отца. Джея по временам так и подмывало язвительно спросить, не было ли его зачатие непорочным, сохранившим девственность матери.

Джей повернулся к портрету спиной. Лакей принес ему графин горячего глинтвейна, и он с удовольствием принялся потягивать напиток. Возможно, он поможет унять напряженную тяжесть внизу живота, преследовавшую его с утра. Ведь именно сегодня отец должен объявить, какая доля наследства предназначается для Джея.

Он заранее понимал, что не получит ни половины, ни даже десятой части отцовского состояния. Роберту достанется и эта усадьба, и богатые углем шахты, и целая флотилия кораблей, которой он уже управлял. Мать Джея давно уговорила сына не вступать по этому поводу ни в какие споры: она знала, насколько упрям и неумолим в своих решениях его отец.

Роберт по сути не только официально мог считаться чуть ли не единственным сыном сэра Джорджа. Он стал точной копией отца, его вторым воплощением. Джей принадлежал к совершенно другой породе, и потому отец пренебрегал им. Уподобляясь отцу, Роберт был умен, бессердечен и жаден, когда речь заходила о деньгах. Джей, напротив, тратил их легко, считаясь в семье мотом. Отец ненавидел людей, небрежно обращающихся с деньгами, особенно его собственными. Уже не раз он устраивал Джею скандалы, в ярости крича: «Я потом и кровью добываю средства, которые ты попросту бросаешь на ветер!»

А Джей лишь все еще более испортил несколько месяцев назад, когда наделал крупных карточных долгов: целых девятьсот фунтов. Ему пришлось уламывать матушку, чтобы она уговорила отца погасить задолженность. Конечно, это было целое состояние. Примерно таких денег стоил, например, замок Джеймиссонов. Но сэр Джордж мог позволить себе подобные расходы. И все равно он устроил представление, трагедию, словно его собирались по меньшей мере лишить ноги. С тех пор Джей проигрался снова, хотя отец пока ничего не знал об этом.

«Не пытайся возражать отцу, – увещевала мама, – но попроси о чем-то, что покажется ему разумно умеренным и скромным». Младших сыновей часто отправляли в колонии, а потому существовала вероятность получения от отца в наследство сахарной плантации на Барбадосе вместе с господским домом и африканскими рабами. И он и матушка уже поднимали эту тему в разговорах с сэром Джорджем. Тот не ответил положительно и не отказал, а потому Джей питал определенные надежды на желательное для себя решение вопроса.

Через несколько минут в зал вошел отец, притоптывая ногами, чтобы стряхнуть снег с сапог для верховой езды. Лакей помог ему снять плащ.

– Отправь сообщение Рэтчету, – обратился отец к слуге. – Мне нужно, чтобы двое людей дежурили у моста двадцать четыре часа в сутки. И если Макэш попытается удрать из долины, им надлежит схватить его.

Через реку действительно был переброшен только один мост, но существовал и другой путь, чтобы выбраться из долины.

– А вдруг Макэш попытается скрыться через горы? – спросил Джей.

– В такую-то погоду? Пусть только решится. Как только мы узнаем, что он пропал, пошлем конный отряд по объездной дороге, чтобы шериф и солдаты поджидали его на противоположной стороне, когда он доберется туда. Сомневаюсь, однако, что ему это удастся.

Джей не питал столь твердой уверенности в этом. Шахтеры обладали силой и закалкой оленей, а Макэш отличался редкостным упорством. Но он не стал спорить с отцом.

Следующей в замок прибыла леди Хэллим. Темноволосая и темноглазая, как и дочь, она не обладала ни малой толикой яркого, искрометного и темпераментного характера Лиззи. Она уже заметно располнела, и сейчас на ее мясистом лице читалось крайне неодобрительное выражение.

– Позвольте мне снять с вас шубу, – обратился к ней Джей и помог ей вылезти из-под тяжести плотных мехов. – Подойдите ближе к огню. У вас руки просто заледенели. Не желаете ли выпить немного глинтвейна?

– Какой же вы милый мальчик, Джей! – сказала она. – Да, я с удовольствием выпью чего-нибудь горячего.

Постепенно появились и все остальные, кто ездил в церковь, потирая замерзшие руки и роняя капли от таявшего снега на каменный пол. Роберт с собачьим упрямством навязывал Лиззи разговор на пустяковые темы, переходя от одной банальности к другой, словно загодя составил их список. Отец принялся обсуждать деловые вопросы с Генри Дроумом, коммерсантом из Глазго, приехавшимся родней его первой жене Олив. Мать Джея беседовала с леди Хэллим. Пастор и его супруга не прибыли. Судя по всему, их слишком расстроила бурная сцена, случившаяся в церкви. Присутствовала и небольшая группа других гостей. В основном родственников. Сестра сэра Джорджа с мужем. Младший брат Алисии с женой. Двое или трое соседей. Разговоры между ними неизменно сводились к обсуждению Малака Макэша с его глупейшим письмом.

Через какое-то время общий приглушенный гул голосов перекрыло громкое восклицание Лиззи, и постепенно она привлекла к себе всеобщее внимание.

– Но почему бы и нет? – вопрошала она. – Я хотела бы все увидеть своими глазами.

С очень серьезным видом ей ответил Роберт:

– Угольная шахта совершенно неподходящее место для леди, уж поверьте моему мнению.

– О чем это вы? – заинтересовался сэр Джордж. – Неужели мисс Хэллим высказала желание спуститься в шахту?

– Я считаю, мне следует знать, как там все устроено, – объяснила Лиззи.

Роберт нашел новый довод:

– Помимо прочих причин, женское платье сделает это неосуществимым на практике.

– Тогда я переоденусь и притворюсь мужчиной, – последовал мгновенный ответный «выстрел» Лиззи.

Сэр Джордж тихо рассмеялся.

– Мне известны девушки определенного сорта, которым это сошло бы с рук, – сказал он. – Но вы, моя дорогая, слишком красивы, чтобы притворяться мужчиной.

Он явно счел, что сделал ей утонченный комплимент, и оглянулся, ища поддержки у остальных. Все покорно захохотали ему в тон.

Матушка Джея привлекла внимание его отца и сказала ему что-то очень тихо.

– Ах да, конечно! – произнес сэр Джордж. – Надеюсь, всем наполнили бокалы? – И не дожидаясь ответа, продолжал: – Давайте же выпьем за здоровье моего младшего сына Джеймса Джеймисона, известного всем как просто Джей, по случаю исполнения ему двадцати одного года. За тебя, Джей!

Они выпили под этот тост, после чего женщины удалились, чтобы привести себя в порядок к ужину. А беседа среди мужчин неизбежно свелась к теме бизнеса.

– Не нравятся мне новости, поступающие из Америки, – сказал Генри Дроум. – Все это может стоить нам немалых денег.

Джей понимал, о чем завел речь делец из Глазго. Английское правительство обложило налогами различные товары, импортировавшиеся в американские колонии: на чай, бумагу, стекло, свинец и красители. Колонисты возмутились новыми поборами.

Сэр Джордж тоже высказал свое мнение с негодованием:

– Они ведь хотят, чтобы наша армия защищала их от французов и краснокожих, но не желают платить за это. Подумать только!

– И не станут платить, насколько я понимаю, – подтвердил Дроум. – Недавно в Бостоне был наложен бойкот на весь британский импорт. Они отказываются от чая и даже готовы экономить на черной ткани, отказавшись от ношения траурных одеяний!

– Если другие колонии последуют примеру Массачусетса, половина нашего торгового флота останется без грузов, – добавил реплику Роберт.

А сэр Джордж сердился все сильнее.

– Эти колонисты – проклятые бандиты, вот они кто! А бостонские производители рома самые отпетые из них. – Джея удивила подобная горячность отца. Он должен был терять действительно крупные суммы, чтобы до такой степени разъяриться. – Закон обязывает их покупать черную патоку из сахарного тростника на британских плантациях, но они контрабандой приобретают ее у французов, сбивая цену на товар.

– В Виргинии дела обстоят еще хуже, – подлил масла в огонь Дроум. – Тамошние табачные плантаторы никогда не платят своих долгов.

– Мне ли не знать об этом? – подхватил сэр Джордж. – Один из моих должников там только что обанкротился, оставив мне никому не нужную плантацию. Это место называется Мокджек Холл.

– Слава богу, что не обложили дополнительным налогом импорт в Америку преступников, – заметил Роберт.

Раздались дружные одобрительные возгласы. Наиболее прибыльной частью судоходного бизнеса Джеймиссона была транспортировка в американские колонии приговоренных в Великобритании преступников. Ежегодно суды приговаривали к высылке многие сотни людей. Это считалось равноценной альтернативой смертной казни, например, за воровство, и правительство платило владельцу корабля пять фунтов за голову каждого доставленного им в Америку заключенного. Причем девять из десяти таких преступников пересекали Атлантику именно на судах, принадлежавших Джеймиссону. Но правительственная дотация не оставалась единственным способом зарабатывать на заключенных. По прибытии в колонии они обязаны были принудительно трудиться бесплатно в течение семи лет, что давало возможность, по сути, продавать их в семилетнее рабство. Мужчины стоили на таком рынке от десяти до пятнадцати фунтов, женщины восемь-девять, а за детей давали поменьше. Забив трюм под завязку ста тридцатью или ста сорока заключенными, как сельдями бочку, Роберт мог получить до двух тысяч фунтов чистой прибыли на одном рейсе – сам корабль столько не стоил. Более выгодного и доходного предприятия придумать было невозможно.

– Так-то оно так, – кивнул отец, опустошая свой бокал, – но только и этому может наступить конец, если вовремя не обуздать зарвавшихся колонистов.

А жалобы от колонистов поступали постоянно. Хотя они и продолжали покупать приговоренных из Англии для работы на себя, поскольку рабочей силы остро не хватало, им не нравилось, что метрополия сбрасывает им на руки отбросы общества, считая заключенных главной причиной роста на своих территориях уровня преступности.

– Хотя бы шахтеры – народ надежный, – сказал сэр Джордж. – На них одних мы можем в эти дни целиком и полностью положиться. Вот почему Макэша необходимо своевременно устранить.

Каждый имел свое мнение о Макэше, и образовались небольшие группы, заведшие свои отдельные разговоры по его поводу. Однако сэру Джорджу, как показалось, эта тема окончательно надоела. Он повернулся к Роберту и, сменив тон на шуточный, спросил:

– Ну, как тебе юная Хэллим, а? Маленькое сокровище, если хочешь знать мое мнение.

– Элизабет весьма темпераментная особа, – несколько двусмысленно отозвался о ней Роберт.

– Это точно, – со смехом сказал его отец. – Помню, когда мы застрелили последнюю волчицу в этой части Шотландии лет восемь или десять назад, она настояла на том, что сама

вырастит ее щенков. И расхаживала повсюду с двумя маленькими волчатами на поводке. Вы в жизни не видели ничего подобного! Егеря просто с ума сходили, утверждали, что однажды волчата подрастут, сбегут и станут опасны, но вот только они умерли, к счастью для нас всех.

– Из нее может получиться слишком своенравная жена, – с некоторым беспокойством заметил Роберт.

– Обожаю объезжать норовистых кобылок, – отозвался на это сэр Джордж. – Кроме того, за мужем всегда остается последнее слово, какой бы ни была жена. Ты мог сделать и гораздо более плохой выбор. – Он понизил голос. – Леди Хэллим держит свое имение как приданое для дочери. А поскольку все имущество любой женщины переходит к ее мужу, в день свадьбы все эти земли станут собственностью жениха.

– Знаю, – сказал Роберт.

Джей ничего не знал об этом, но не был удивлен: немногие мужчины согласились бы оставить обширное поместье во владении женщины.

Сэр Джордж продолжал:

– А в недрах Хай Глена должны залежать миллионы тонн угля – все не разработанные, но уже разведанные пласты ведут в том направлении. Девушка просто сидит на огромном состоянии, о котором не знает. Уж прости, если это звучит немного вульгарно.

И он ухмыльнулся.

Но это не развеяло обычного скептицизма вечно мрачного Роберта.

– Не уверен, что вообще нравлюсь ей.

– А что ей может в тебе не нравиться? Ты молод, скоро станешь богат, а когда я умру, унаследуешь титул баронета. Чего еще может пожелать девушка?

– Романтической любви, – ответил Роберт. Он произнес эти слова с неприязнью, словно говорил о какой-то неизвестной ему денежной единице, которой с ним пытался расплатиться чужеземный купец.

– Мисс Хэллим не может себе позволить романтических чувств.

– Кто знает? – сказал Роберт. – Леди Хэллим живет в долг, сколько я себя помню. Не вижу, почему бы ей не продолжать такую жизнь и дальше.

– Поделюсь с тобой секретом. – Сэр Джордж оглянулся, проверяя, чтобы никто не мог подслушать его. – Ты знаешь, что она заложила все свое имение?

– Это всем известно.

– Вот только я один выяснил, что ее кредитор не хочет продлевать сделки с ней.

– Но у нее всегда остается возможность одолжить денег у другого банкира, чтобы расплатиться с прежним, – возразил Роберт.

– Наверняка, – согласился сэр Джордж. – Хотя она еще не догадывается об этом. А ее финансовый советник не даст ей подсказки – уж об этом я лично позаботился.

Джею оставалось только гадать – подкупом или угрозами удалось их отцу подчинить себе поверенного в делах леди Хэллим.

Сэр Джордж захихикал.

– Понимаешь теперь, Роберт, почему юная Элизабет не может себе позволить отвергнуть тебя?

В этот момент Генри Дроум покинул свою компанию и присоединился к троим мужчинам из семейства Джеймиссонов.

– Прежде чем мы сядем за ужин, Джордж, есть нечто, о чем я должен тебя уведомить. Я ведь могу свободно обсуждать деловые вопросы в присутствии твоих сыновей, не так ли?

– Разумеется.

– Проблемы в Америке действительно нанесли по моим финансам серьезный удар. Плантаторы не платят долгов, как я уже упомянул, и возникли другие проблемы. Боюсь, в текущем квартале я не смогу выполнить своих обязательств перед тобой.

Стало ясно, что сэр Джордж ссужал Генри деньгами. Обычно отец обходился с должниками практично и круто: плати или садись в долговую тюрьму. Но сейчас он неожиданно мягко сказал:

– Я все понимаю, Генри. Настали тяжелые времена. Расплатишься со мной, когда сможешь.

У Джея челюсть отвисла от изумления, но он почти сразу понял причину неожиданной доброты своего отца. Дроум приходился родственником матери Роберта – Олив, – и сэр Джордж проявлял снисхождение к Генри ее памяти ради. Джей испытал настолько глубокое отвращение, что поспешил отойти в сторону.

Вернулись дамы. На лице матери Джея играла сдержанная улыбка, словно она узнала какой-то занятный секрет. Но прежде чем сын смог поинтересоваться у нее, чему она улыбалась, прибыл еще один гость – незнакомец в сером одеянии священника. Алисия побеседовала с ним, а потом подвела к сэру Джорджу.

– Это мистер Чешир, – представила его она. – Он пришел, чтобы заменить пастора.

Новый визитер был молодым еще человеком с изрытым оспинами лицом, с очками на носу и в старомодном завитом парике. Хотя сэр Джордж и мужчины его поколения по-прежнему носили парики, более молодые люди прибегали к ним теперь крайне редко, а Джей вообще никогда.

– Преподобный мистер Йорк просил меня принести за него извинения, – сказал мистер Чешир.

– Не стоило тревожиться. Право же, не стоило, – отозвался сэр Джордж и отвернулся, не питая интереса к никому не известным и явно мелким служителям церкви.

Все отправились к накрытому для ужина столу. К ароматам пищи примешивался неприятный запах, исходивший от старинных, тяжелых и вечно влажных портьер. Зато длинный стол радовал глаз тщательным подбором блюд: телятина, говядина, ветчина, запеченный целиком огромный лосось, несколько пирогов с разнообразными начинками. Но Джей с трудом мог заставить себя съесть хоть что-нибудь. Передаст ли ему отец плантацию на Барбадосе? И если нет, то что он получит взамен? Трудно было спокойно усидеть на месте, поедая телятину, когда вскоре предстояло определиться всему твоему будущему.

Он ведь в каком-то смысле почти ничего не знал о своем отце. Хотя они жили вместе в семейном доме на Гровнор-сквер в Лондоне, сэр Джордж проводил почти все время на складе в Сити в компании Роберта. Джей целыми днями находился при своем полку. Они порой ненадолго встречались за завтраком или за ужином, но зачастую сэр Джордж предпочитал ужинать у себя в кабинете, продолжая работать с документами. И потому Джей понятия не имел, как поступит отец. Он играл вилкой в тарелке с едой и ждал.

Мистер Чешир оказался человеком неловким и смущал остальных гостей. Он несколько раз громко рыгнул за столом, опрокинул бокал с кларетом, разлив вино, а позже Джей несколько раз ловил его на том, как он излишне откровенно пялится на декольте сидевшей рядом с ним женщины.

Они начали ужин рано – часа в три пополудни, а к тому времени, когда женщинам настала пора выйти из-за стола, зимний день за окном уже начал переходить в сумрачный вечер. Как только представительницы прекрасного пола удалились, сэр Джордж заерзал в кресле, а потом с вулканическим грохотом выпустил газы.

– Вот так-то оно лучше, – заявил он затем.

Слуга подал бутылку портвейна, круглую жестянку с табаком и коробку с глиняными трубками. Молодой священник набил одну из трубок и заявил:

– Леди Джеймиссон чертовски хорошенькая женщина, если сэр Джордж позволит мне высказать свое мнение. Просто красавица, чтоб мне не сойти с этого места!

Он был явно пьян, но и это не извиняло дерзких слов, на которые следовало ответить должной отповедью. На защиту матери поспешил встать Джей.

– Я был бы весьма признателен, сэр, если бы вы прекратили отпускать неуместные ремарки по поводу леди Джеймиссон, – произнес он ледяным тоном.

Священник поднес к своей трубке огарок свечи, раскурил ее, вдохнул дым и тут же закашлялся. Стало очевидно, что он никогда прежде не курил. Слезы выступили у него на глазах, он задохнулся и снова зашелся в кашле. Причем все его тело так сильно сотрясилось, что с него свалились очки и парик. Джей мгновенно понял – это вовсе не священник.

И зашелся в приступе смеха. Остальные посмотрели на него с недоумением. Они пока ничего не смогли разглядеть.

– Неужели вы не видите, кто это на самом деле? – спросил он.

Роберт стал первым, кто распознал мнимого гостя.

– Боже милостивый, да это же мисс Хэллим, переодетая мужчиной! – воскликнул он.

Наступил момент изумленного молчания. А потом и сэр Джордж покатился со смеху. Остальные мужчины, увидев, что хозяин склонен отнестись к происшествию как к доброй шутке, тоже начали хихикать.

Лиззи выпила немного воды и еще некоторое время продолжала откашливаться. Пока она восстанавливала дыхание, Джей с восхищением рассматривал ее хитро придуманный наряд. Очки спрятали выразительные темные глаза, а завитки парика по бокам частично скрыли ее прелестный профиль. Белый полотняный воротник придал шее толщины и сделал невидимой нежную кожу ее девичьего горла. С помощью древесного угля или чего-то еще она нанесла на щеки подобие следов от оспы и пририсовала несколько редких волосков на подбородке, создававших видимость пушка юноши, еще не привыкшего к ежедневному бритью. В вечной полутьме замка, в мрачный зимний день, типичный для Шотландии, никто не узнал ее в столь искусной маскировке.

– Да уж, вы доказали, что смогли бы выдать себя за мужчину, – признал сэр Джордж, когда она окончательно перестала кашлять. – Но вас все равно не пустят в шахту. Будьте любезны, сходите и пригласите сюда остальных женщин. Нам пора вручить Джею подарок ко дню рождения.

Джей на несколько минут забыл обо всех своих тревогах, но теперь они сразу же вновь овладели его мыслями.

Мужчины сошлись с дамами в главном холле. Мать Джея и Лиззи продолжили смеяться вместе. Алисия явно была посвящена в замысел девушки, чем объяснялась ее лукавая и таинственная улыбка, замеченная сыном перед началом ужина. А вот мать самой Лиззи ни о чем не догадывалась и теперь смотрела на дочь с холодной неприязнью.

Сэр Джордж возглавил общее шествие наружу через парадную дверь замка. Сгустились сумерки. Снегопад прекратился.

– Вот, – сказал сэр Джордж. – Это и есть твой подарок к совершеннолетию.

Во дворе перед домом конюх держал под уздцы самого красивого коня, какого Джей когда-либо видел в жизни. Белого жеребца лет двух от роду с изысканными чертами чистокровного арабского скакуна. Появившаяся внезапно перед ним толпа людей заставила его занервничать, и он инстинктивно подался в сторону, но конюх натянул поводья и принудил коня к неподвижности. В его глазах отражалась неистовость норова, и Джей сразу понял, что он способен скакать быстрее ветра.

От восхищения Джей совершенно забылся, но голос матери рассек его мысли подобием острого ножа.

– И это все? – спросила она.

Отец отозвался:

– Что ты имеешь в виду, Алисия? Надеюсь, ты не проявишь неблагодарности...

– *И это все?* – повторила она, и Джей увидел, как ее лицо исказила гримаса гнева.

– Да, это все, – подтвердил он.

До Джея до сих пор не дошло, что этот подарок он получил взамен плантации на Барбадосе. Он непонимающе смотрел на родителей, постепенно осознавая смысл происходящего. Им овладела такая глубокая горечь, что он не сразу обрел дар речи.

За него продолжала говорить мать. Никогда прежде не видел он ее настолько разъяренной.

– Но он же твой сын! – воскликнула она визгливым от злости голосом. – Ему исполнился двадцать один год. Он должен получить часть наследства, чтобы вести достойную жизнь... А все, что ты ему даришь, – это всего лишь конь?

Гости наблюдали за ними, заинтригованные и испуганные в одно и то же время.

Сэр Джордж побагровел.

– Мне вообще никто ничего не подарил к моему совершеннолетию! – сказал он сердито. – Я не унаследовал даже пары поношенных башмаков...

– О, во имя всего святого, оставь свои лицемерные речи, – процедила она презрительно. – Мы все вдоволь наслушались душещипательных историй о том, как твой отец умер, когда тебе было всего четырнадцать лет, и ты вынужден был работать на мельнице, чтобы содержать сестер... Но разве это причина повергать в бедность собственного сына?

– Бедность? – Он развел руки в стороны, как бы указывая на замок, на земли вокруг него и на ту жизнь, какую можно было здесь вести. – О какой бедности ты толкуешь?

– Но он нуждается в независимых источниках существования. Бога ради, передай ему в дар плантацию на Барбадосе.

– Это моя собственность! – поспешил заявить Роберт.

Джей почувствовал, что охвативший его паралич миновал, и к нему вернулся голос.

– Той плантацией никогда по-настоящему никто не управлял, – сказал он. – Я рассчитывал, что стану командовать там, как командуют полком, заставлю нигтеров работать усерднее и так далее, чтобы сделать ее более прибыльной.

– Ты действительно считаешь себя способным на это? – спросил отец.

У Джея даже сердце зашлось: возможно, отец еще передумает.

– Да, я так считаю! – пылко ответил он.

– А я не разделяю твоего мнения, – резко сказал его отец.

Джей почувствовал, словно его с силой ударили ниже пояса.

– Я не верю, что ты имеешь хотя бы малейшее понятие о том, как управлять плантацией или любым другим предприятием, – с зубовным скрежетом произнес сэр Джордж. – По моему мнению, тебе лучше оставаться в армии, где тебе всегда подскажут, что нужно делать.

Джей был совершенно ошеломлен. Он снова посмотрел на роскошного белого скакуна.

– Я никогда не сяду в седло этого коня, – сказал он. – Уведите его прочь.

Алисия обратилась к сэру Джорджу:

– Роберт получает от тебя замок, угольные шахты, корабли и все остальное. Неужели так необходимо передавать ему и плантацию тоже?

– Он – мой старший сын.

– Да, Джей младше, но он не ничтожество. Почему же все должно достаться одному Роберту?

– Во имя его матери, – ответил сэр Джордж.

Алисия буквально прожигала сэра Джорджа взглядом, и Джей понял, до какой степени она его ненавидела. «И я тоже, – подумал он. – Я тоже ненавижу своего отца».

– Так будь ты проклят! – провозгласила она, и гости дружно охнули в шоке от ее слов. – Гореть тебе в адском пламени!

Алисия повернулась и вошла в двери замка.

Глава пятая

Близнецы Макэш обитали в доме, где была всего одна комната размером в пятнадцать квадратных футов с очагом у одной стены и двумя занавешенными альковами для кроватей у другой. Дверь выходила на вечно покрытую грязью тропу, спускавшуюся от шахты вдоль склона холма в низину долины, где вливалась в дорогу, ведущую в сторону церкви, замка и внешнего мира в целом. Источником воды служил горный ручей, протекавший позади выстроенных в ряд домов.

На всем обратном пути Мак мучительно обдумывал все, что произошло в церкви, но ничего не говорил, а Эстер хватало такта не задавать ему пока никаких вопросов. Утром перед уходом в церковь они успели сварить кусок бекона, и по возвращении его аромат пропитал всю комнату, вызвав у Мака здоровое чувство голода и слегка подняв ему настроение. Эстер накрошила в кастрюлю с мясом капусты, пока Мак ходил через дорогу в заведение миссис Уейгел за кувшином эля. Оба поели с огромным аппетитом, отличавшим людей, привычных к физическому труду. После того как с едой и питьем было покончено, Эстер сыто отрыгнула и спросила:

– Что ты теперь будешь делать?

Мак вздохнул. Теперь, когда вопрос был задан прямо, он понимал, что на него существует только один ответ.

– Мне нужно уехать отсюда. Я не могу оставаться здесь после всего случившегося. Гордость не позволит. Я превращусь в постоянное напоминание для каждого молодого человека в долине, что Джеймиссонам невозможно бросить вызов, одолеть их произвол. Я должен покинуть деревню.

Он старался сохранять спокойствие, но голос срывался от охвативших его эмоций.

– Так и думала, что ты это скажешь. – Слезы блеснули в глазах Эстер. – Ты превратил в своих врагов самых могущественных людей в этих краях.

– Но ведь я прав!

– Да. Но правду и ложь мало кто умеет различать в нашем мире. Правда торжествует только на небесах.

– Если не сделаю этого сейчас, то не смогу уже никогда, и мне останется только до конца жизни сожалеть о своей нерешительности.

Она с грустью кивнула.

– Наверняка так и будет. Но что, если они попытаются остановить тебя?

– Как?

– Поставят охрану на мосту.

Единственный другой путь из долины проходил через горы, но он не позволял двигаться быстро. Джеймиссоны могли уже поджидать его по ту сторону хребта, когда Мак доберется туда.

– Если они преградят мне переход через мост, я переплыву реку, – сказал он.

– Вода такая холодная в это время года, что ты можешь заболеть и умереть от простуды.

– Река всего в тридцать ярдов шириной. Как я прикинул, мне удастся перебраться на другой берег примерно за минуту или чуть больше.

– Но если тебя схватят, то приведут обратно с железным ошейником, как было с Джимми Ли.

Мак поморщился при этой мысли. Носить ошейник, как собака, было унижением, которого все горняки боялись больше всего.

– Я все-таки поумнее буду, чем Джимми, – объяснил он. – У него кончились деньги, и он попытался устроиться работать на шахте в Клакманнэне, а владелец шахты донес на него, поскольку знал по имени.

– В том-то и беда. Тебе потребуется пропитание. Как еще ты сможешь заработать себе на хлеб насущный? Ты только и умеешь уголь добывать.

Мак отложил на черный день немного наличных, но хватило бы их ненадолго. И все же он на эти деньги рассчитывал.

– Я отправлюсь в Эдинбург, – сказал он. Можно было воспользоваться одной из тяжелых гужевых повозок, доставлявших в город уголь, добытый в шахте, хотя безопаснее для него стало бы добраться туда пешком. – Там найду корабль. Мне говорили, что на углевозы постоянно требуются крепкие молодые люди. Через три дня я покину пределы Шотландии. А они не смогут насильно вернуть меня сюда. Их законы не действуют по всей территории страны.

– Корабль, – повторила Эстер мечтательно, но с сомнением. Они никогда не видели настоящего корабля. Только картинки в книжках. – Куда же ты на нем поплывешь?

– Наверное, в Лондон. – Большинство судов с углем из Эдинбурга доставляли свой груз именно в Лондон. Некоторые ходили до Амстердама, как слышал Мак. – Или в Голландию. Или даже в Массачусетс.

– Но для нас это не более чем просто названия мест, – заметила Эстер. – Мы не знакомы ни с кем, кто побывал бы в Массачусетсе.

– Я предполагаю, что люди там едят хлеб, живут в своих домах и ложатся спать по ночам, как и везде по всему миру.

– Вероятно, так оно и есть. – В голосе сестры по-прежнему звучало сомнение.

– И вообще – мне все равно, – сказал он. – Я отправлюсь куда угодно за пределы Шотландии. Куда угодно, где человек может чувствовать себя свободным. Только подумай: жить, как захочешь, а не как тебе велят! Самому выбирать себе работу, зная, что в любой момент можешь уйти и найти другую, лучше оплачиваемую или безопасную, а может, просто более чистую. Стать хозяином собственной судьбы, а не чьим-то рабом. Разве это не здорово!

Теплые слезы заструились по щекам Эстер.

– Когда ты собираешься уходить?

– Задержусь еще на день или на два. Будем надеяться, что Джеймиссоны немного ослабят бдительность. Вот только во вторник мне исполняется двадцать два года. Если в среду я еще останусь в шахте, то отработаю положенный срок в год и один день, как взрослый мужчина, и тогда уже окончательно стану рабом по закону.

– На самом деле ты в любом случае раб, что бы ни говорилось в том письме.

– Но мне нравится считать, что закон пока на моей стороне. Сам не понимаю, почему для меня это так важно, но факт есть факт. Закон делает Джеймиссонов преступниками, пусть они не желают признавать реальности. А потому я устрою побег во вторник вечером.

– А как же я? – очень тихо спросила Эстер.

– Тебе лучше будет начать работать в паре с Джимми Ли. Он – хороший отбойщик, и ему давно нужна надежная помощница, чтобы транспортировать добытый им уголь по шахте. А Энни...

– Я хочу уйти вместе с тобой, – перебила его сестра.

Он был застигнут врасплох и удивлен.

– Но ты ни разу еще не упоминала об этом!

Она повысила голос:

– Почему, как ты думаешь, я до сих пор не вышла замуж? А потому, что если бы завела семью и детей, у меня не осталось бы ни шанса выбраться отсюда.

И ведь верно! Она была самой взрослой одинокой женщиной во всем Хьюке. Однако Мак привык считать, что для нее попросту не находилось в деревне подходящего мужчины. Ему ни

разу в голову не пришла мысль о тайном желании сестры однажды сбежать с шахты, которое она вынашивала долгие годы.

– Я даже не догадывался ни о чем!

– А я боялась разговаривать с тобой об этом. Мне по-прежнему страшно. Но теперь, если ты уйдешь, я отправлюсь с тобой.

Мак ясно видел отчаяние в ее глазах, и ему причиняла боль необходимость отказать ей, но иначе поступить он не мог.

– Женщин не берут в моряки. А денег на билет пассажирки для тебя у нас нет. Отработать его ты никак не сможешь. В таком случае мне придется бросить тебя одну в Эдинбурге.

– Но и здесь я не останусь, если ты уедешь.

Мак любил сестру. При любом конфликте они неизменно поддерживали друг друга – от ссор с другими детьми до перепалок с родителями и даже в распрях с управляющим шахтой. Она могла порой сомневаться в правильности его решений, но всегда с яростью львицы вставала на защиту брата. Ему очень хотелось взять ее с собой, но сбежать вдвоем оказалось бы намного труднее, чем одному.

– Поживи здесь еще совсем недолго, Эстер, – сказал он. – Как только доберусь до нужного мне места, сразу же напишу тебе. А потом найду работу, сэкономлю денег и пришлю за тобой.

– Обещаешь?

– Можешь на меня положиться.

– Сплюнешь и поклянешься?

– Да.

Так они поступали еще в детстве, чтобы скрепить любое обещание.

– Я хочу, чтобы ты сделал это!

Он понял, насколько традиция важна для нее. Он сплюнул себе в ладонь, а потом протянул руку через дощатый стол и крепко взял ее за руку.

– Клянусь непременно послать за тобой.

– Спасибо, – простодушно отозвалась она.

Глава шестая

На следующее утро была запланирована охота на оленей, и Джей решил в ней поучаствовать. Он чувствовал необходимость пролить чужую кровь, убить хоть кого-то.

Завтракать ему не хотелось. Зато он набил карманы «пирожными с виски» – небольшими шариками из овсяной каши, пропитанными спиртным. После чего вышел из дома, чтобы взглянуть на погоду. Только-только начинало светать. Небо оставалось серым, но облака проплывали высоко, и дождя не намечалось. Видимость для стрельбы будет отменной.

Джей уселся на ступени перед входом в замок и принялся прилаживать новый клиновидный кремень к механизму запала своего ружья, основательно закрепив его с помощью свернутого в трубочку куска мягкой кожи. Возможность уложить пару рогатых самцов могла, наверное, дать хотя бы отчасти выход его гневу, но до чего же ему хотелось всадить пулю не в зверя, а в собственного брата Роберта!

Своим оружием он гордился. Это было заряжаемое со ствола кремниевое ружье, изготовленное прославленным мастером Гриффином с Бонд-стрит в Лондоне. Приклад отдельно доставили из Испании, инкрустировав серебром. Оно намного превосходило качеством простые ружья фирмы «Браун Бесс», которыми вооружили солдат его полка. Он взвел курок и прицелился в дерево, росшее по дальнюю сторону двора. Глядя на мушку и уперев приклад в плечо, он воображал, что видит перед собой могучего оленя с ветвистыми рогами. Он мысленно навел ствол в то место на груди, где могло бы биться могучее сердце животного. Но затем сменил воображаемый образ и увидел перед собой Роберта: угрюмого, упрямого Роберта, жадного и неутомимого, с темными волосами и откормленным лицом. Джей спустил курок. Кремень ударился в сталь, произведя достаточно густой выброс искр, но на полке не было пороха, как и пули в стволе.

Он зарядил ружье уверенными движениями знатока. С помощью мерного колпачка в крышке фляжки насыпал на полку ровно две с половиной драхмы¹ черного пороха. Достал из кармана шарообразную пулю, обернутую в кусок льняной ткани, и затолкал через дуло внутрь. Потом снял с крепления под стволом шомпол и с его помощью загнал пулю как можно дальше вглубь ствола. Пуля была около половины дюйма в диаметре. Ею можно убить наповал самого матерого самца оленя с дистанции в сто ярдов. Она бы сокрушила Роберту ребра, разорвала легкие и врезалась прямо в сердце, прикончив его за считанные секунды.

– Доброе утро, Джей, – услышал он голос своей матери.

Он поднялся и поцеловал ее. Они не встречались с того момента прошлым вечером, когда она прокляла его отца и бросилась вон из зала. Сейчас мама выглядела утомленной и печальной.

– Тебе плохо спалось, верно? – спросил он с сочувствием.

Она кивнула.

– Да, выдавались и более спокойные ночи.

– Бедная мамочка.

– Мне не следовало так ссориться с твоим отцом.

– Ты, должно быть, очень любила его... Когда-то, – не слишком уверенно предположил он.

Она вздохнула.

– Даже не знаю. Он был хорош собой, богат, носил титул баронета, и я действительно хотела стать его женой.

---

¹ Драхма – устаревшая единица массы, применявшаяся главным образом в аптекарском деле и равнявшаяся приблизительно 1,77 грамма. (Здесь и далее примечания переводчика.)

– Но сейчас ты его ненавидишь.

– С тех самых пор, когда он начал слишком явно отдавать предпочтение перед тобой своему старшему сыну.

В Джее снова вскипела злость.

– Мне казалось, даже Роберт мог бы видеть, какая вершится несправедливость!

– Уверена, в душе он все понимает. Однако боюсь, что Роберт слишком алчный молодой человек. Он хочет заполучить все.

– Таким он был всегда. – Джей вспомнил Роберта еще ребенком, получавшим особое удовольствие, если удавалось завладеть игрушечными солдатиками брата или перехватить его порцию сливового пудинга. – Помнишь лучшего пони Роберта по кличке Роб Рой?

– Да, а что?

– Ему было тринадцать лет, а мне восемь, когда он получил ту лошадку в подарок. Я тоже страстно мечтал иметь пони. Причем ездил верхом лучше его уже в то время. Но он ни разу не позволил мне прокатиться на нем. Если сам не хотел кататься, заставлял конюха выезжать Роб Роя у меня на глазах, но меня и близко не подпускал.

– Но ты мог пользоваться другими лошадьми.

– К десяти годам я уже успел посидеть в седлах всех скакунов из нашей конюшни, включая даже охотничьих коней отца. Но только ни разу не ездил на Роб Рое.

– Давай немного прогуляемся по лужайке двора.

На ней было отделанное мехом пальто с капюшоном, а Джей надел клетчатый плащ. Они пошли по лужайке, хрустя ступнями по промерзшей траве.

– Почему отец стал таким? – спросил Джей. – За что он ненавидит меня?

Она погладила сына по щеке.

– Он относится к тебе без ненависти, – ответила мать, – хотя понятно и простительно для тебя думать так.

– Отчего же он так дурно обращается со мной?

– Твой отец был бедняком, когда женился на Олив Дроум. Не имел ничего, кроме маленькой лавчонки в захудалом квартале Эдинбурга, где обитали представители низших сословий. А это место, которое сейчас называется замком Джеймиссона, принадлежало троюродному брату Олив – Уильяму Дроуму. Уильям оставался холостяком, жил совсем один, и когда он заболел, сюда приехала Олив, чтобы ухаживать за ним. В знак своей глубокой благодарности он изменил условия своего завещания, оставив все Олив, а потом, как ни старалась она выходить его, Уильям все-таки умер.

Джей кивнул.

– Я слышал эту историю не один раз.

– И дело как раз в том, что твой отец до сих пор воспринимает это поместье как собственность Олив. А эта усадьба стала основой, на которой он затем сумел построить всю свою деловую империю. Важно, кроме того, что угольные шахты до сих пор остаются самыми прибыльными из его предприятий.

– Это самый стабильный бизнес, как говорит он сам, – добавил Джей, вспомнив вчерашний разговор. – Судоходство подвержено капризам конъюнктуры и порой рискованно, а уголь продолжают добывать равномерно и непрерывно.

– Как бы то ни было, твой отец чувствует, что всем в своей жизни обязан Олив, и, по его понятиям, стало бы оскорблением ее памяти передача хоть какой-то собственности в твои руки.

Джей помотал головой.

– Нет, за этим должно крыться что-то еще. Меня не покидает ощущение, что мы знаем далеко не все.

– Возможно, ты прав. Но я рассказала тебе то, что известно мне.

Они дошли до конца лужайки и двинулись обратно в молчании. Джею стало интересно, проводили ли его родители хотя бы редкие ночи вместе. Он догадывался, что наверняка проводили. Отцу могло быть все равно, любит она его или нет, но он считал жену обязанной так или иначе давать ему необходимое утешение. Эта мысль показалась крайне неприятной.

Когда они снова добрались до входа в замок, она сказала:

– Я провела всю ночь, стараясь найти способ исправить твоё положение, но пока безуспешно. Но не впадай в отчаяние. Счастливый случай непременно подвернется.

Джей неизменно полагался на силу воли своей матери. Она умела противостоять норову отца и заставлять его делать то, чего ей хотелось. Ей даже удалось убедить сэра Джорджа расплатиться по карточным долгам Джея. Но, как он опасался, на сей раз ее могла подстеречь неудача.

– Отец решил, что мне не достанется ничего. Он не мог не понимать, какие чувства это вызовет у меня. И все же принял такое решение. Нет никакого смысла умолять его передумать.

– Я и не думала ни о чем умолять его, – сухо отозвалась Алисия.

– Тогда как ты собираешься поступить?

– Еще не знаю, но я точно не собираюсь сдаваться. Доброе утро, мисс Хэллим.

Лиззи спускалась по ступеням от двери замка, одетая для охоты. Она выглядела как хорошенькая фея в черной меховой шапочке и в казавшихся до странности маленькими кожаными сапогах. Она улыбнулась и была откровенно рада встрече с ними.

– Доброе утро!

Один только ее вид поднял Джею настроение.

– Вы едете на охоту вместе с нами? – спросил он.

– Я бы ни за что на свете не пропустила бы ее.

Участие молодой женщины в охоте было не совсем обычным, но одновременно и вполне дозволенным в глазах общества, а Джей, хорошо знавший Лиззи, несколько не удивился ее стремлению присоединиться к мужчинам.

– Превосходно! – воскликнул он. – Ваше присутствие добавит некоторый элемент утонченности и стиля тому, что в противном случае стало бы обычным грубым мужским развлечением.

– Надеюсь, моя роль не сведется только к этому, – откликнулась она.

– Я вернусь в дом, – сказала Алисия. – Хорошей охоты вам обоим.

Когда она удалилась, Лиззи сразу стала откровеннее:

– Мне очень жаль, что ваш день рождения оказался испорчен. – Она с неприкрытой симпатией пожала ему руку. – Но у вас, как я смею ожидать, будет повод забыть о своих огорчениях на ближайшую пару часов этим утром.

Он не смог сдержать улыбки.

– Лично я приложу к этому все усилия.

Она принялась к воздуху, уподобившись на мгновение лисице.

– Дует достаточно сильный юго-западный ветер. Как раз то, что нам нужно.

Джей в последний раз охотился на благородных оленей пять лет назад, но помнил ее основные правила. Охотникам не нравились тихие деньки, когда неожиданный капризный и непредсказуемый порыв ветра мог донести запах людей до лесов на склонах холмов и заставить зверей разбежаться.

Из-за угла дома показался егерь с двумя псами на поводках, и Лиззи бросилась к нему, чтобы приласкать собак. Джей последовал за ней, заметно прибодрившись. Оглянувшись, он увидел, что мать по-прежнему стоит у дверей замка и пристально смотрит на Лиззи со странным и задумчивым выражением лица.

Собаки принадлежали к той длинноногой, покрытой серой шерстью породе, какую кто-то называет шотландскими борзыми, а некоторые именуют ирландскими волкодавами. Лиззи присела на корточки и по очереди заговорила с каждой.

– Это и есть Бран? – спросила она у егеря.

– Нет, он сынок Брана, мисс Элизабет, – ответил мужчина. – Сам Бран, к сожалению, подох год назад. Его кличка Баскер.

Собак будут держать далеко позади группы охотников, а спустят только после того, как прозвучат первые выстрелы. Им надлежало преследовать и окончательно завалить оленя, подраненного пулей участника охоты.

Из замка показались остальные: Роберт, сэр Джордж и Генри. Джей хотел посмотреть брату в глаза, но Роберт избегал встречи с ним взглядами. Отец вежливым поклоном приветствовал младшего сына, будто успел начисто забыть о событиях прошлого вечера.

С восточной стороны усадьбы егеря соорудили мишень – грубо сработанное чучело оленя из дерева и полотна. Каждый из охотников мог выпустить по нему несколько пуль, чтобы пристреляться. Джей занимал вопрос, умеет ли Лиззи стрелять. Многие мужчины полагали, что женщинам никогда не дано быть хорошими стрелками из-за слабости рук, не позволявшей держать ружье как положено, или просто потому, что у них отсутствовал охотничий инстинкт, чтобы убивать животных. Приводились и другие причины. Любопытно было взглянуть, насколько оправдано подобное мнение.

Сначала все сделали по выстрелу с пятидесяти ярдов. Причем Лиззи вызвалась первой, и ее выстрел оказался великолепен – пуля попала в то самое жизненно важное место чуть ниже плечевого сустава. У Джея и сэра Джорджа получилось ничуть не хуже. Пули Роберта и Генри угодили чуть дальше в «тело» животного – такие попадания наносили оленю тяжелые раны, но могли позволить убежать, чтобы потом где-нибудь в чаще леса умереть медленно и мучительно.

Они повторили попытки с семидесяти пяти ярдов. К всеобщему удивлению, выстрел Лиззи опять оказался редкостно удачным. Как и Джея. Сэр Джордж попал в голову чучела, а Генри – в круп. Роберт же вообще промахнулся, и его пуля высекла сноп искр из каменной стены садовой кухни.

Под конец отмерили расстояние в сто ярдов – предельную дальность стрельбы для такого рода ружей. Теперь уже никто не смог скрыть изумления, когда Лиззи еще раз с превосходной точностью поразила цель. Роберт, сэр Джордж и Генри промахнулись. Джей, стрелявший последним, преисполнился решимости не уступить в состязании с девушкой. Он долго готовился, стараясь дышать ровно, тщательно целясь, а потом задержал дыхание и плавно спустил курок. Его пуля переломила деревянную заднюю ногу чучела.

Вот вам и рассказы о неспособности женщин хорошо стрелять! Лиззи превзошла их всех. Джей она привела в восхищение.

– Сомневаюсь, что вы пожелаете служить в моем полку, – отпустил шутку он. – А жаль! Немногие из моих солдат обучены стрелять так метко.

После этого помощники конюха вывели из конюшни пони. В Шотландии на неровной почве крепконогие пони оказывались предпочтительнее лошадей. Охотники забрались в седла и выехали из двора замка.

Пока они рысцой трусили вниз по долине, Генри Дроум завел с Лиззи беседу. Не имея другой пищи для размышлений, Джей обнаружил, что снова впал в угрюмое настроение, вспомнив проявленное отцом пренебрежение к себе. От этих мыслей у него возникало жжение в желудке, похожее на боль от язвы. Как он убеждал себя теперь, ему следовало быть готовым к подобному отношению, поскольку отец никогда не скрывал своей любви исключительно к Роберту. А он тщетно подпитывал свой оптимизм вздорными доводами: он не был незаконно рожденным ребенком баронета, а его мать – все-таки именуется леди Джеймиссон. И почти

убедил себя, что на сей раз отец проявит справедливость. Но нет. Его отец не ведал о подлинной справедливости. Напрасные ожидания!

Жаль, он не единственный сын сэра Джорджа. Жаль, что Роберт не умер. Если бы сегодня произошел несчастный случай и Роберт погиб, все проблемы Джея оказались бы решены.

Джей понимал: ему не хватит храбрости и крепости нервов, чтобы самому разделаться с братом. Он прикоснулся к стволу ружья, висевшего на переброшенном через плечо ремне. Он ведь действительно мог все обставить как несчастный случай. Когда охотники начнут стрелять одновременно, будет трудно потом определить, кто именно выпустил смертоносную пулю. И даже если они смогут инстинктивно определить виновника, исходя из очевидного мотива, семья скроет истину. Скандал никому не нужен.

Внезапно его охватил ужас, когда он понял, что всерьез мечтает об убийстве Роберта. «Но ведь мне бы и в голову не пришло ничего подобного, если бы отец оказался справедлив ко мне», – подумал он и стряхнул с себя пугающее чувство.

Шотландское поместье Джеймиссона напоминало большинство подобных усадеб в этих краях. В нижней части долины находились сельскохозяйственные земли, на которых одной общиной трудилась группа фермеров-арендаторов, используя почти средневековую систему мелкой чересполосицы и расплачиваясь с хозяином частью своей продукции. Но основную территорию занимали покрытые лесом высокие холмы, не пригодные ни для чего, кроме охоты и рыбной ловли. Некоторые из соседей земле-владельцев вырубали свои леса и начали экспериментировать с разведением овец. Но разбогатеть, имея поместье в Шотландии, было совершенно невозможно. Для этого необходимым условием становилось наличие залежей угля. Тогда ситуация становилась, разумеется, совершенно иной.

Они проехали примерно три мили, и егеря заметили стадо оленей голов на двадцать или тридцать в полумиле дальше. Животные паслись выше поросшего лесом участка на обращенном к югу склоне. Группа остановилась, а Джей достал подзорную трубу. Олени располагались с подветренной стороны к охотникам, поскольку их повадкой было всегда вставать в сторону ветра, а потому они смотрели в противоположном от них направлении, и Джею в его оптический прибор отчетливо виделся только белый мех их крупов.

Стадо состояло из одних только самок, которые прекрасно годились в пищу, хотя любой охотник предпочел бы завалить крупного самца с его неизменно роскошными рогами. Джей переместил трубу и посмотрел вверх голов самок, причем сразу обнаружил то, что искал, и сообщил остальным:

– Посмотрите, там два громадных самца... Нет, три... Чуть выше места, где пасутся их дамы.

– Да, теперь я их тоже вижу. Над самым первым гребнем холма, – сказала Лиззи. – И еще один! Только что мелькнули рога четвертого.

Ее лицо покраснелось от азартного возбуждения, и она стала выглядеть еще более красивой. Происходило именно то, что должно было ей очень нравиться – свежий воздух, пони, собаки, ружья. Она вечно испытывала тягу к энергичным действиям, требовавшим напряжения сил, и немного опасным. Разглядывая ее в такой момент, Джей не мог сдержать улыбки. Но при этом он почувствовал себя даже несколько неуютно в своем седле. При виде настолько привлекательной девушки у редкого мужчины не заиграл бы огонь в крови.

Он бросил взгляд на брата. Вот Роберту поездка на пони в холод не доставляла никакого удовольствия, а скорее раздражала. Он сейчас гораздо охотнее сидел бы в своей бухгалтерии, подумал Джей, подсчитывая квартальную прибыль от какой-нибудь ссуды в восемьдесят девять гиней, выданной под три с половиной процента годовых. Какое же несчастье для Лиззи навязанная ей необходимость выйти замуж за Роберта!

Он отвернулся от них, постаравшись целиком сосредоточить внимание на оленях. Изучил склон холма в подзорную трубу, выискивая наилучший путь неслышно подобраться

поближе к животным. Охотникам все время нужно было оставаться с подветренной стороны, чтобы добыча не почуяла запахов, исходивших от людей. Лучше всего казалось подкрасться к стаду, взобравшись сначала чуть выше по склону. Как продемонстрировала тренировка на мишени, убить оленя с дистанции в сто ярдов едва ли было возможно. Идеальным расстоянием для стрельбы стали бы пятьдесят ярдов. Поэтому искусство охоты на оленей зачастую сводилось к умению тихо приблизиться к ним настолько, чтобы облегчить попадание в цель. Лиззи уже сама наметила оптимальный путь подхода.

– В четверти мили отсюда мы миновали расщелину, – оживленно заговорила она. На самом деле то, что она назвала расщелиной, было углублением в склоне холма, образованное ручьем, стекавшим вниз вдоль него. Охотники могли укрыться между высокими берегами, совершая подъем. – Мы последуем вдоль нее к самому гребню, а затем двинемся в поперечном направлении.

Сэр Джордж согласился. Он редко позволял другим указывать ему, что нужно делать, но если уж позволял, то исключительно хорошеньким девушкам.

Они вернулись к расщелине, оставили пони внизу и стали взбираться в гору пешком. Тропа оказалась крутой, местами слишком неровной, местами заболоченной, а потому их ступни то увязали в грязной жиже, то попадали в ямы между камнями, заставлявшие спотыкаться. Уже скоро Генри и Роберт начали тяжело дышать и подавать все признаки усталости, зато егеря и Лиззи, привычные к походам по пересеченной местности, выглядели совершенно свежими. Лицо сэра Джорджа покраснело гуще обычного, он тоже страдал от одышки, но его отличала удивительная в таком возрасте выносливость, и хозяин поместья ни разу не замедлил шага. Джей находился в прекрасной физической форме благодаря повседневным тяготам службы в гвардии, но и он через какое-то время почувствовал, как участилось и затруднилось дыхание.

Они пересекли гребень и под его укрытием, невидимые для оленей, пробрались вдоль вершины холма. Здесь дул пронизывающе холодный ветер, посыпался снег с дождем, клубами завихрился морозный туман. Не ощущая больше под собой тепла, исходившего от разгоряченного тела пони, Джей начал всерьез мерзнуть. Его перчатки из отменной козлиной кожи насквозь промокли, влага постепенно проникла в сапоги и пропитала носки из дорогой шотландской шерсти.

Шествие возглавляли егеря, хорошо знавшие окрестности. Когда им казалось, что охотники слишком сближаются с животными, они заставляли всех спускаться чуть ниже. Внезапно они припали на колени. Остальные последовали их примеру. Джей моментально забыл, насколько замерз и промок, ощущая лишь приятное волнение. Охота вступала в свою самую захватывающую стадию, когда возникала перспектива скоро взять на мушку добычу.

Он решился рискнуть и осмотреться. По-прежнему низко прижимаясь к земле, он взобрался вверх и выглянул через скалистый выступ. Когда глаза постепенно сфокусировались на нужном расстоянии, он увидел самцов, четыре смазанных коричневых пятна на фоне зелени склона, беспорядочно разбросанных, но образовавших подобие ломаной линии. Необычно было само по себе расположение рядом четырех крупных особей сразу. Должно быть, они набрали на участок очень сочной травы. Он приложился к подозрительной трубе. Самый дальний от него олень горделиво нес благородно красивую голову, отличавшую его от других: рога невозможно было разглядеть отчетливо, но они казались достаточно крупными, чтобы иметь не менее двенадцати ответвлений. Донеслось карканье воронов. Взглянув вверх, Джей заметил, как пара черных птиц кружит высоко над головами охотников, явно инстинктивно понимая, что скоро здесь появятся для них олени потроха, которыми они смогут досыта подкормиться.

Рядом кто-то охнул и выругался. Это Роберт поскользнулся, угодив ногой в грязную лужу.

– Дурак набитый, – чуть слышно пробормотал Джей.

Одна из собак издала тихое рычание. Егерь поднял руку предостерегающим жестом, и теперь все умолкли, застыли на местах, вслушиваясь, не донесется ли стук удаляющихся копыт. Но нет. Олени и не помышляли о бегстве, и через несколько секунд группа охотников медленно двинулась дальше.

Вскоре им и вовсе пришлось лечь, передвигаясь ползком. Один из егерей взял собак на себя, завязав им глаза носовыми платками, чтобы они ненароком не залаяли. Сэр Джордж и старший егерь перебрались через гребень и тоже осмотрелись. Когда они вернулись, сэр Джордж начал давать свои указания всем.

Он говорил чуть слышным шепотом:

– У нас четыре самца на пять ружей, а потому в этот раз я не буду стрелять и вступлю в дело, если только один из вас промахнется. – Он при желании умел разыграть из себя гостеприимного хозяина. – Генри, вы возьмете на себя того зверя, что находится правее остальных. Тебе, Роберт, надлежит завалить следующего – он стоит ближе всех к нам и представляет собой самую легкую мишень. Джею достается чуть более дальний. Мисс Хэллим. Ваша цель расположена наиболее далеко, но у этого оленя самые красивые рога, а вы – прекрасный стрелок. Все готовы? Тогда давайте занимать позиции. Позволим мисс Хэллим произвести первый выстрел, не так ли, джентльмены?

Охотники расползлись по склону. Каждый выискивал для себя удобное место, чтобы залечь и основательно прицелиться. Джей последовал за Лиззи. На ней был короткий жакет для верховой езды и свободная юбка без кринолина, а потому он с насмешливым удовольствием мог видеть, как ее обтянутые тканью ягодицы поочередно двигаются прямо перед ним. Немногие девушки позволили бы себе свободно ползти подобным образом, зная, что позади молодой мужчина. Но ведь Лиззи и не походила на большинство знакомых ему девушек.

Вскоре Джей отклонился чуть в сторону и нашел для себя густой куст, представлявший собой превосходное укрытие. Приподняв голову, он посмотрел вниз вдоль склона. Он четко видел выделенного ему самца ярдах в семидесяти от себя – самого молодого из животных со всего лишь редкими отростками пантов поверх головы. Еще три паслись неподалеку. Не менее ясно различал он и фигуры охотников. Лиззи слева от себя – она все еще продолжала ползти. Генри далеко справа. С той же стороны, но чуть ниже находились сэр Джордж и егеря с собаками. От Роберта же его отделяли всего двадцать пять ярдов. Идеальная дистанция для точного выстрела.

У него сердце зашло, когда им снова на мгновение овладел соблазн убить своего брата. Библейская история Каина и Авеля сама по себе возникла в сознании. «Моя участь слишком тяжела, чтобы я мог выносить ее. Подобные слова (или нечто в этом роде) приписывались Каину. Но ведь и я тоже испытываю такое же чувство, – подумал Джей. – Для меня невыносимо оставаться вечно отверженным младшим сыном, неизменно презираемым, вынужденным вести тягостную жизнь иждивенца, не владеющего ничем, бедным сынком очень богатого отца, ничтожеством. Воистину невыносимая выпала мне доля, как и Каину».

Он попытался выбросить злобные мысли из головы. Взялся за ружье, насыпал немного пороха на полку рядом с бойком, а потом захлопнул крышку над полкой. Наконец он взвел затвор. Теперь стоило ему нажать на курок, как крышка полки автоматически поднимется в тот момент, когда кремль высечет искры из металла. Запальный порох на полке вспыхнет и воспламенит значительно более крупный пороховой заряд, уже находящийся в стволе позади пули.

Он перекатился на другой бок в более удобное положение. Его олень грыз траву в покое и безмятежности, не чуя опасности. Все охотники заняли позиции, только Лиззи еще продолжала двигаться. Джей прицелился в животное, но почти сразу повел стволом в сторону, пока у него на мушке не оказалась спина Роберта.

Он вполне мог потом заявить, что его локоть случайно в самый решительный момент соскользнул с покрытого коркой льда камня, и ружье резко сместилось при выстреле, а это и привело к трагическому итогу, когда он всадил пулю в спину брата. Отец может заподозрить правду, но твердой уверенности у него не будет. И что произойдет потом? Оставшись с единственным сыном, заставит ли себя сэр Джордж забыть о подозрениях? Передаст ли Джею в наследство все, что прежде предназначалось Роберту?

Выстрел Лиззи должен был послужить сигналом открыть огонь для остальных. Насколько помнил Джей, оленей неизменно отличала поразительная замедленность реакции. После первого выстрела они лишь вскинут головы и перестанут поедать траву, замерев на месте зачистую на несколько секунд. Затем один из них побежит, а за ним и остальные, уподобляясь стае птиц или косяку рыбешек, кинутся вслед за вожаком, громко стуча крепкими копытами по промерзшей земле, оставив убитого сородича умирать, а подранков хромать позади.

Джей медленно перевел ствол, снова наведя его на оленя. Разумеется, он не станет убивать своего брата. Это станет немыслимым злодеянием. Его потом всю жизнь будут преследовать чудовищные воспоминания и снедать чувство вины.

Но если он не решится сейчас, не придется ли ему вечно сожалеть о своей трусости? Когда отец в очередной раз унизит его, показывая всем предпочтение, отдаваемое им Роберту, не придется ли Джею в ярости лишь скрежетать зубами и от всей души сожалеть, что не решил проблему, когда имелась прекрасная возможность, не уничтожил ненавистного отпрыска отца, не стер его с лица земли?

И опять его ружье уставилось стволом в Роберта.

Отец уважал в людях силу воли, решительность и безжалостность. Даже если он догадается, что смертельный выстрел был сделан преднамеренно, разве не вынужден он будет признать, что Джей проявил себя как настоящий мужчина? Как человек, которого нельзя отвергать или игнорировать без самых ужасных для себя последствий?

Эта мысль значительно укрепила в нем решимость действовать. В глубине души сэр Джордж невольно оправдывает преступление сына, уверял себя Джей. Ведь сам отец никогда не позволил бы обращаться с собой подобным образом. На любой выпад против себя он отвечал жестоко и бесцеремонно. Исполняя роль мирового судьи в Лондоне, он признал виновными десятки мужчин, женщин и даже детей, передав их дела в уголовный суд Олд Бейли. Если ребенка можно было повесить за простую кражу куска хлеба, то разве не заслуживал смерти Роберт, похитивший у Джея любовь отца и все его состояние?

Лиззи не слишком торопилась. Джей старался дышать размеренно, но сердце бешено колотилось в груди, и каждый вдох давался ему с трудом. Он испытывал искушение посмотреть на Лиззи, понять, что послужило причиной задержки, но опасался, что именно в это мгновение она выстрелит, а он упустит свой шанс, и потому не сводил глаз с мушки ружья, точно наведенной на спину Роберта. Все его тело напряглось, натянулось, как струна, и даже в мышцах стала ощущаться боль от долгой неподвижности. И все же он не осмеливался пошевелиться.

«Нет, – подумал он, – этого не может произойти. Я не убью своего брата. Или же, богом клянусь, все-таки убью.

Поторопись, Лиззи, пожалуйста».

Краем глаза он заметил, как рядом с ним что-то начало двигаться. Но он не успел ничего разглядеть, поскольку тут же громынуло ружье Лиззи. Олени замерли. Держа под прицелом хребет Роберта, целясь ему между лопатками, Джей мягко спустил курок. Громоздкая фигура выросла прямо над ним, и раздался крик отца. Прогревели еще два выстрела. Разрядили свои ружья Роберт и Генри. Но именно в тот момент, когда должно было выпустить пулю ружье Джея, обутая в тяжелый кожаный сапог нога ударила по стволу. Он вздернулся вверх, и пуля, никому не причинив вреда, улетела в воздух. Страх и вина пронзили сердце Джея, стоило ему поднять взгляд и увидеть разъяренное лицо сэра Джорджа.

– Ты – подлый маленький убийца! – чуть слышно процедил отец.

Глава седьмая

После целого дня, проведенного на свежем воздухе, Лиззи овладела сонливостью, и вскоре после окончания ужина она заявила, что собирается лечь в постель. Роберта очень кстати уже не оказалось в столовой, и Джей тут же вежливо вскочил на ноги, чтобы помочь ей подняться по лестнице, сопроводив со свечой в руке. Пока они медленно преодолевали каменные ступени, он тихо сказал:

– Я отведу вас внутрь шахты, если вы все еще этого хотите.

Вся сонливость Лиззи мгновенно улетучилась.

– Вы это предлагаете серьезно?

– Разумеется. Я не привык бросать слов на ветер. – Он усмехнулся. – Вы осмелитесь пойти?

Ее охватило нескрываемое волнение.

– Да! – ответила она и подумала: «Вот мужчина, действительно желающий завоевать мое сердце». – Когда мы сможем туда отправиться?

– Нынче же ночью. Отбойщики берутся за работу в полночь, а носильщики, которых правильнее называть носильщиками, на час или два позже.

– В самом деле? – спросила изумленная Лиззи. – Почему им приходится работать по ночам?

– Они трудятся и весь день тоже. Откатчики и носильщики заканчивают смену перед самым закатом.

– Но ведь тогда у них почти не остается времени на сон!

– Ничего. Зато у них не остается времени и на дурные поступки.

Лиззи почувствовала себя наивным ребенком.

– Я провела почти всю жизнь по соседству с шахтой в долине, но понятия не имела, сколько часов проводят за работой угольщики.

У нее мелькнула мысль, что Макэш может оказаться прав и посещение шахты в корне изменит ее взгляд на эксплуатацию труда горняков.

– Так что подготовьтесь ближе к полуночи, – сказал Джей. – Вам снова придется переодеться мужчиной. У вас все еще остался тот наряд, который вы использовали?

– Да, остался.

– Выходите через дверь кухни. Я позабочусь, чтобы ее не заперли. Встретимся во дворе конюшни. Мне придется самому оседлать пару лошадей.

– Это так увлекательно! – не слишком громко воскликнула она.

Джей отдал ей свечу.

– До встречи в полночь, – прошептал он.

Лиззи зашла в свою спальню. Джей снова повеселел и прибодрился, отметила она про себя. Сегодня днем он опять по какой-то причине поссорился с отцом. Еще в горах. Никто так и не разобрался, что именно между ними произошло. Всех слишком поглотил азарт охоты. Вот только Джей промахнулся, стреляя в своего оленя, а сэр Джордж буквально побелел от злости. Но ссора, каким бы ни был повод, прошла почти незамеченной под влиянием волнительных моментов дня. Лиззи уложила самого крупного самца наповал. Роберт и Генри ранили своих животных. Мишень Роберта успела отбежать на несколько ярдов, но затем все же упала, и он добил зверя повторным выстрелом. А вот олень Генри скрылся, и по его следу пришлось пустить собак, которые после недолгого преследования настигли подранка, и он тоже был причислен к общей добыче. Однако все поняли, что между Джейм и отцом состоялся неличный разговор. До вечера Джей пребывал в угрюмом и молчаливом настроении. И лишь несколько минут назад вдруг оживился и обрел свой обычный шарм.

Лиззи сняла платье, избавилась от нижних юбок, сбросила туфли, а потом завернулась в одеяло и села перед ярко пылавшим камином. Джей такой весельчак и затейник, думала она. Кажется, его тоже так и тянет на приключения, как ее саму. А еще он был внешне весьма привлекателен: высок ростом, атлетически сложен, прекрасно одет, а его голову покрывала густая шапка вьющихся светлых волос. Ей уже не терпелось, чтобы скорее наступила полночь.

Раздался стук в дверь, и вошла ее мать. Лиззи ощутила укол чувства вины перед ней. Но все же подумала не без тревоги: надеюсь, мамочка не нацелилась на продолжительную беседу. Впрочем, еще не было даже одиннадцати часов. Времени казалось предостаточно.

Мать надела плащ, как поступали они все, когда приходилось идти из одной комнаты в другую по длинным и стылым коридорам замка Джеймиссона. Сейчас она сняла его. Под ним поверх ночной рубашки была накинута шаль. Вынув заколки из прически Лиззи, принялась расчесывать ей волосы.

Лиззи закрыла глаза и полностью расслабилась. Эта процедура неизменно возвращала ее мысленно в детство.

– Ты должна пообещать мне, что больше никогда не станешь одеваться по-мужски, – сказала мама. Лиззи чуть не вздрогнула. Складывалось ложное впечатление, что матушка могла подслушать ее разговор с Джейм. Теперь придется проявить особую осторожность – мама обладала поразительным чутьем, догадываясь о намерениях Лиззи совершить нечто неординарное. – Ты уже не такая юная особа, чтобы затевать столь неприличные игры.

– Но сэра Джорджа я порядком насмешила! – возразила Лиззи.

– Возможно. Но это не лучший способ завоевать уважение будущего мужа.

– Похоже, Роберт в любом случае хочет жениться на мне.

– Верно, но в таком случае ты должна предоставить ему возможность ухаживать за тобой! Вчера по пути в церковь ты уехала вперед вместе с Джейм, оставив Роберта в одиночестве. И этим вечером решила отправиться спать, пока Роберта не было в комнате, лишив его шанса проводить тебя навстречу.

Лиззи взглянула в отраженное зеркалом лицо своей матери. В знакомых чертах отчетливо читалось решительное стремление вразумить дочку. Лиззи любила мать и хотела бы угодить ей, но не могла превратиться в ту дочь, какую желала иметь мама: это противоречило ее характеру.

– Прости меня, мама, – сказала она. – Я просто как-то вообще не задумываюсь о подобных тонкостях.

– Тебе... нравится Роберт?

– Я бы вышла за него, если бы дошла до полного отчаяния.

Леди Хэллим отложила в сторону щетку для волос и села напротив Лиззи.

– Мы как раз и дошли до полного отчаяния, дорогая моя.

– Но нам всегда не хватало денег. Сколько я себя помню.

– Это верно. И мы ухитрялись занимать, закладывали наше поместье, а жили по большей части там, где могли питаться телятиной собственного производства и занавешивать одежду до дыр.

Лиззи снова почувствовала себя виноватой. Если мать вообще тратила деньги, то почти всегда на нужды дочери, а не на свои потребности.

– Так давай продолжим жить, как прежде. Я вовсе не против готовить еду и накрывать на стол, делить одну горничную на двоих с тобой. Мне нравится здесь. Я предпочту проводить дни в Хай Глене любым походам за покупками на Бонд-стрит.

– Но есть предел нашим возможностям одалживать деньги, видишь ли. Нам больше никто не дает ссуды.

– Значит, будем жить на арендную плату с фермеров. Придется перестать ездить в Лондон. Мы можем даже не принимать приглашения на балы в Эдинбурге. И к нам никто не станет

приходить ужинать. Только пастор. Заживем как монашки, ни с кем не встречаясь целый год, если понадобится.

– Боюсь, нам не удастся даже это. Они угрожают отнять у нас дом и все имение.

Лиззи ее слова повергли в шок.

– Они не могут так поступить с нами!

– Могут. В этом и заключено главное условие закладной.

– Но кто такие эти «они», о ком ты говоришь?

Ответ матери прозвучал не слишком внятно.

– Могу только сказать, что бывший стряпчий твоего отца организовал для меня займы, но мне в точности не известно, кто именно выделил деньги. Хотя это не имеет значения. Важно то, что кредитор теперь желает вернуть свои средства. Иначе грозит взыскать их с помощью закона.

– Мама... Ты имеешь в виду, что мы потеряем свой дом?

– Нет, милая. Не потеряем, если ты выйдешь замуж за Роберта.

– Понятно, – отозвалась Лиззи очень серьезно.

Часы на здании конюшни пробили одиннадцать. Мать поднялась и поцеловала ее.

– Спокойной ночи, моя дорогая. Добрых тебе снов.

– Спокойной ночи, мама.

Лиззи задумчиво смотрела на огонь в камине. Она уже несколько лет знала, что ей предначертано судьбой спасти их с матерью благосостояние, выйдя замуж за богатого мужчину, и Роберт в этом смысле был ничем не хуже других кандидатов. Но она никогда прежде не размышляла об этом как о чем-то реальном. Она вообще не имела склонности обдумывать что-либо заранее, предпочитая откладывать все до самого последнего момента, и эта ее привычка порой сводила маму с ума. А сейчас перспектива выйти замуж за Роберта привела ее в смятение и начала по-настоящему пугать. Она почувствовала нечто вроде физического отвращения, словно съела что-то слегка подгнившее.

Но ей не оставляли выбора. Она не могла позволить кредиторам матери выгнать их из собственного дома! Что им тогда делать, куда податься? Чем зарабатывать себе на жизнь? У нее мороз пробежал по коже, стоило ей вообразить, как они вдвоем поселятся в холодных наемных комнатах ветхого доходного дома в Эдинбурге, как начнут писать самым дальним родственникам, выпрашивая материальную помощь, как возьмутся за шитье, чтобы получать гроши. Уж лучше в самом деле стать женой занудного Роберта. Но сможет ли она себя заставить пойти на такой брак? Всякий раз, когда перед ней вставала задача сделать что-нибудь крайне неприятное, но не столь необходимое, например, пристрелить старую и смертельно больную собаку или отправиться покупать ткань на нижнее белье, она неизменно меняла планы и находила способ избежать тягостной проблемы.

Она заколола свои непослушные волосы, а потом надела маскировочный костюм, использованный ею вчера: бриджи, сапоги для верховой езды, полотняную рубашку, пальто и мужскую треугольную шляпу, которую закрепила на голове булавкой. Изменила цвет лица, чуть затемнив щеки с помощью сажи, взятой из камина, но на сей раз решила обойтись без завитого парика. Для теплоты добавила одеянию отделанные мехом перчатки, помогавшие к тому же скрыть ее ухоженные девичьи руки, а под пальто накинула клетчатый плед, чтобы плечи казались более широкими.

Услышав полуночный бой часов, она взяла свечу и спустилась по лестнице.

Она нервничала, не зная пока, сдержит ли Джей свое слово. Что угодно могло помешать ему, или же он мог попросту заснуть, дожидаясь назначенного времени. Насколько же разочарована она будет! Но дверь кухни действительно оказалась не заперта, как он и обещал, а когда она вошла во двор конюшни, он уже ждал ее, держа под уздцы двух пони и нашептывая им что-то ласковое, заставляя животных вести себя спокойно. Она с радостью увидела при свете

луны улыбку на его лице, с которой он встретил ее. Ничего не говоря, он передал ей поводья более низкорослого пони, а потом вывел их пешком задней тропой, избегая показываться на главной подъездной аллее дома, на которую выходили окна большинства спален.

Как только они выбрались на дорогу, Джей сдернул покров с масляного фонаря. Они сели в седла и поскакали прочь от замка.

– Я боялся, что вы не придете, – признался Джей.

– А я боялась, что вы заснете, дожидаясь меня, – сказала в ответ она, и оба рассмеялись.

Они поехали вверх по долине в сторону угольных шахт.

– Вы опять сегодня днем поссорились с отцом? – задала ему прямой вопрос Лиззи.

– Да.

Он явно не собирался вдаваться в подробности, но ненасытное любопытство Лиззи было нелегко утомонить.

– Из-за чего? – спросила она.

Ей не было отчетливо видно его лицо, но она почувствовала, что ему неприятны ее расспросы. Но он тем не менее ответил достаточно ровным тоном:

– Все из-за того же. Причиной снова стал мой брат Роберт.

– Я считаю, что с вами обошлись очень дурно, если для вас мое мнение может послужить хотя бы отчасти утешением.

– Да, и я благодарен вам за это. – Казалось, он сразу немного расслабился.

По мере их приближения к шахтам возбуждение и интерес Лиззи постепенно только усиливались, и она стала воображать себе, какой окажется шахта внутри, и почему Макэш сравнил ее с вратами ада. Будет там жутко жарко или же холоднее, чем снаружи? Ругаются ли рабочие между собой или, быть может, даже дерутся, как дикие кошки в клетке? Царит ли в шахте отвратительный запах, кишат ли в ней крысы? Или там все тихо и призрачно? Она начала ощущать тревогу. «Но что бы ни случилось, – думала она, – отныне я буду знать, каково там, и Макэш больше не посмеет обвинить меня в наивном невежестве».

Полчаса спустя они миновали первую небольшую пирамиду из угля, предназначенного на продажу.

– Кто там еще? – неожиданно раздался грубый окрик, и егерь с волкодавом на поводке показался в круге света, отбрасываемого фонарем Джея.

Обычно в обязанности егерей входил присмотр за оленями и охрана лесов от браконьеров, но в эти дни многих из них заставили наводить порядок на шахтах, следить за дисциплиной и не допускать воровства угля.

Джей приподнял фонарь, чтобы стало видно его лицо.

– Прошу прощения, мистер Джеймиссон, – сказал егерь.

Они поехали дальше. Вход непосредственно в шахту позволяла различать только лошадь, ходившая по кругу и вращавшая колесо. Приблизившись к ней, Лиззи разглядела, что к колесу привязали веревку, с помощью которой из шахты доставали ведра, наполненные водой.

– В шахте всегда образуется много лишней воды, – объяснил Джей. – Она просачивается сквозь почву.

Многие из старых деревянных ведер прохудились, пропуская струи, образовавшие перед входом в шахту предательски опасные участки, где грязь смешалась со льдом.

Они оставили пони у привязи и подошли к дыре, ведущей внутрь шахты. Размерами она не превышала шести квадратных футов с крутыми деревянными ступенями, зигзагом спускавшимися вниз вдоль стен. Конца лестницы Лиззи разглядеть не могла.

Никакими перилами или поручнями ее не оборудовали.

Лиззи на мгновение овладел приступ паники.

– Какова ее глубина? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Если память мне не изменяет, глубина этой шахты составляет двести десять футов, – ответил Джей.

Лиззи тяжело сглотнула. Но если бы она сейчас отказалась от своего намерения, сэр Джордж и Роберт могли узнать об этом, а потом самодовольно поучали бы: «Мы же предупреждали вас, что там не место для леди». Этого она вынести не смогла бы. Уж лучше спуститься на двести десять футов вниз по лестнице без перил.

Скрипнув зубами, она спросила:

– Так чего же мы ждем?

Если Джей и уловил ее страх, то вида не подал. Он двинулся первым, освещая для нее ступени, а она последовала за ним, трепеща от ужаса. У нее душа в пятки ушла. Видимо, поэтому, преодолев несколько первых ступеней, Джей предложил:

– Почему бы вам не положить руки мне сзади на плечи для сохранения равновесия?

Она с благодарностью согласилась.

Они продолжили спуск, а деревянные ведра с водой, покачиваясь и кружась словно в вальсе, поднимались на веревке вверх по центру ствола шахты, сталкиваясь с пустыми ведрами, возвращавшимися в глубину, порой обдавая Лиззи ледяной водой. Мысленно девушка нарисовала себе жуткую картину: она поскальзывается на одной из ступеней, срывается с лестницы и совершает безумный полет, врезаясь в ведра, опрокидывая их десятками, прежде чем грохнуться на самое дно и умереть.

Время от времени Джей делал остановки, чтобы дать своей спутнице немного отдохнуть и перевести дух. Хотя она всегда считала себя физически крепкой и способной к любой активной деятельности, у нее уже скоро появилась боль в ногах, а дыхание стало тяжелым. Не желая, чтобы он заметил признаки ее усталости, Лиззи пыталась непрерывно поддерживать разговор.

– Вы производите впечатление человека, который много знает об устройстве шахт. Откуда берется вода, какова глубина и все такое.

– Добыча угля стала постоянной темой бесед между членами нашей семьи. Именно она дает основной доход. Но лично я лет шесть тому назад провел здесь целое лето вместе с Гарри Рэтчетом, управляющим. Как решила мама, мне следовало основательно изучить все детали горного дела, надеясь на вероятность, что в один прекрасный день отец поручит мне руководство бизнесом. Напрасные ожидания. Глупость с ее стороны.

Лиззи почувствовала к нему волну сочувствия.

Они продолжили спуск. Через несколько минут лестница закончилась платформой, с которой открывался доступ в два туннеля-штрека. Под входом в каждый из них шахта была заполнена водой. Ее постоянно вычерпывали ведра, но с таким же постоянством натекали новые ручьи по желобам, проложенным в полу туннелей. Лиззи вглядывалась в их мрак со смесью любопытства и страха.

Джей сделал шаг с деревянной платформы внутрь одного из туннелей и подал Лиззи руку. Хватка его сухих пальцев показалась ей излишне крепкой. Когда же она тоже вошла за ним, он поднес ее руку к своим губам и поцеловал. Она не могла не признать себе, что подобный галантный знак внимания доставил ей удовольствие.

Он повернулся и повел ее за собой, по-прежнему не отпуская руки. Она же теперь и хотела бы обдумать смысл его жеста, но на это не оставалось времени. Пришлось полностью сосредоточиться на том, как устоять на ногах. Ее ступни все время тонули в плотном слое угольной пыли, и ее же запах ощущался в воздухе. Потолок местами нависал совсем низко, и идти по большей части приходилось, наклонив голову. Только сейчас Лиззи до конца осознала, сколько еще не самых приятных моментов ожидают ее этой ночью.

Но она сделала все возможное, чтобы не обращать внимания на любой возникавший дискомфорт. По обе стороны от главного прохода порой начинали мерцать свечи между широ-

кими колоннами, и это напомнило ей ночную службу в крупном кафедральном соборе. Джей давал пояснения:

– Каждый шахтер работает перед пластом угля в двенадцать футов шириной, и его рабочее место величают «залом», хотя на самом деле правильное название – забой. Между каждым таким залом оставляют колонну, тоже состоящую из угля и имеющую шестнадцать футов ширины, чтобы поддерживать свод шахты, который вы бы назвали потолком.

Внезапно до Лиззи дошло, что у нее над головой громоздилась толща земли и скального грунта в двести десять футов, которая могла обрушиться и раздавить ее, если бы шахтеры выполнили свою работу небрежно, и ей снова пришлось подавить в себе панический страх. Она невольно сжала руку Джея. Он ответил своим пожатием. С этого момента она уже внимательно следила за тем, чтобы их руки не размыкались. Ей стало нравиться все время ощущать его близость.

Первые забои, которые они миновали, пустовали. Очевидно, выработка угля в них уже завершилась. Но уже вскоре Джей остановился у входа в зал, где трудился мужчина. Лиззи удивилась, что шахтер не стоял при этом. Он лежал на боку, врубаясь в слой угля на уровне пола. Свеча, стоявшая на деревянной подставке рядом с его головой, тускло и неравномерно мерцала, давая ему возможность видеть, что делать во мраке шахты. Несмотря на казавшуюся неудобной позу, он мощно орудовал киркой. После каждого удара он вырубал достаточно заметную выемку, откуда сыпались куски угля. Казалось, он стремился сделать углубление в два или три фута в основании пласта по всей ширине своего зала. Лиззи пережила новый шок, заметив, что лежать ему приходится прямо в ручейке непрерывно стекавшей воды, которая затем вливалась в желоб центрального прохода. Лиззи опустила в желоб пальцы. Вода оказалась холодной как лед. Она поежилась. А шахтер между тем работал, скинув с себя и пальто, и рубашку. На нем оставались только бриджи. Ноги были босыми. И все равно капли пота отчетливо проступали на его почерневшей спине.

Туннель не проходил по прямой линии. Он то поднимался, то шел вниз, следуя расположению пластов угля, как догадалась Лиззи. Вот и сейчас он повел их выше. Причем достаточно круто. Джей остановился и указал вперед, где шахтер производил какие-то манипуляции со свечой.

– Он выполняет проверку на рудничный газ, – сказал Джей.

Лиззи впервые отпустила его руку и села на крупный обломок камня, чтобы дать спине чуть отдохнуть от постоянно согнутого положения.

– С вами все в порядке? – спросил Джей.

– Я в норме. Что такое рудничный газ?

– Легковоспламеняющееся летучее вещество.

– Воспламеняющееся?

– Да. Именно он становится причиной большинства взрывов в угольных шахтах.

Это прозвучало для Лиззи как нечто безумное.

– Если газ взрывоопасен, почему же он использует свечу?

– Это единственный способ выявить наличие скопления газа. Его невозможно ни увидеть, ни распознать по запаху.

Шахтер медленно поднимал свечу к своду, не сводя при этом пристального взгляда с пламени свечи.

– Газ легче воздуха, а потому концентрируется наверху, – продолжал давать пояснения Джей. – Даже его небольшое количество придаст пламени свечи голубоватый оттенок.

– А если количество окажется большим?

– Тогда нас всех разорвет на части, и каждая отправится на тот свет, в лучший из миров.

Для Лиззи это вполне могло стать последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. Она вся перепачкалась, устала, ей в рот забивалась угольная пыль, а теперь она услышала еще

и об угрозе смертоносного взрыва! Ей пришлось уговорить себя сохранять хотя бы видимость спокойствия. Она же еще до прихода сюда знала, что труд горняков опасен. Значит, следовало унять нервы. Шахтеры спускались в штреки каждый день. Неужели у нее не хватит смелости сделать это однажды?

Но она оказалась под землей в первый и в последний раз, уже твердо решила она.

Еще некоторое время они наблюдали за действиями мужчины со свечой. Он неспешно передвигался по туннелю, делая не более нескольких шагов сразу, чтобы заново произвести проверку. Лиззи успела преисполниться решимости не выдать своего страха. Заставив голос звучать ровно, она спросила:

– А если он обнаружит рудничный газ? Что тогда? Как он избавится от него?

– Он его подожжет.

Лиззи снова с трудом сглотнула. Час от часу не легче.

– Одного из шахтеров непременно назначают ответственным за пожарную безопасность, – сказал Джей. – Насколько помню, в этой шахте пожарным служит Макэш, тот самый молодой смутьян. Обычно такая работа передается от отца сыну. Пожарный должен быть подлинным экспертом по газу. Он обязательно знает, что делать при любых обстоятельствах.

Лиззи боролась с желанием броситься бегом назад вдоль штрека и вихрем взлететь по лестнице, чтобы вернуться живой отсюда, оказавшись в привычном окружении. Она бы так и поступила, если бы не неизбежное чувство унижения перед Джейм, вызванное столь откровенной демонстрацией своего страха. Но не желая больше видеть этого странного, безумно опасного, с ее точки зрения, теста, она указала на штрек, уходивший в сторону, и спросила:

– А там что находится?

Джей снова взял ее за руку.

– Пойдемте и посмотрим.

По всей шахте стояла странная гулкая тишина, отметила про себя Лиззи, пока они шли по туннелю. Почти никто не разговаривал. Лишь немногим мужчинам помогали мальчишки-подручные, а большинство работали в одиночку. Носильщики угля еще не появились в шахте. Стук кирок, ударявших по пластам, и звуки падения вырубленного угля приглушались массивными стенами и толстым слоем пыли под ногами. Им нередко приходилось проходить через двери, которые тщательно закрывали за ними совсем еще маленькие мальчишки. Двери служили для контроля циркуляции воздуха в туннелях, пояснил Джей.

Вскоре они оказались в совершенно пустынной части штрека. Джей остановился.

– Похоже, здесь залежи уже иссякли, – сказал он, описывая фонарем полукруг.

Его тусклый свет отражался в крошечных глазках крыс, притаившихся по углам. Мерзкие грызуны, несомненно, выживали, питаясь остатками еды шахтеров.

Только сейчас Лиззи заметила, что лицо Джейа почернело, словно он сам трудился в шахте. Угольная пыль проникала повсюду. С черными пятнами на щеках он выглядел смешным, и она не сдержала улыбки.

– В чем дело? – спросил он, заметив это.

– У вас чумазое лицо!

Он ухмыльнулся и провел кончиком пальца по своей щеке.

– Вы, вероятно, не представляете, какое лицо у вас самой.

Лиззи поняла, что с ней произошло то же самое.

– О нет! – со смехом воскликнула она.

– Хотя вы все равно остаетесь очень красивой, – сказал он и поцеловал ее.

Она удивилась, но не отшатнулась. Напротив, прикосновение его губ понравилось ей. Они были сухими и плотными, а еще она почувствовала жесткую полоску щетины над верхней губой, которую он не успел сбрить. Когда же он сам отстранился, она произнесла первое, что пришло ей в голову:

- Так вот зачем вы притащили меня в такое странное место?
- Вы на меня обиделись?

Разумеется, он нарушил все светские приличия, не велевшие молодому джентльмену целовать чужую невесту. Она знала, что ей положено изобразить себя оскорбленной, но полученное удовольствие оказалось слишком велико. Девушка лишь ощутила неловкость ситуации.

- Наверное, нам пора возвращаться.
- Могу я продолжать держать вас за руку?
- Конечно.

Казалось, он был более чем счастлив дальше ограничиваться только этим, и повел ее за собой в обратном направлении. Совсем скоро она увидела тот самый камень, на который прежде присела. Они сделали еще одну остановку, чтобы пронаблюдать за работой другого шахтера. Лиззи вспомнила о поцелуе и неожиданно ощутила, как где-то чуть ниже живота возникло легкое возбуждение.

Шахтер за это время успел подрубить снизу пласт угля по всей ширине забоя и теперь молотом вгонял клинья уже значительно выше. Как и многие другие горняки, он трудился полуобнаженным, и хорошо развитые мышцы на его спине рельефно напрягались и вздувались при каждом взмахе молота. Угольная масса, уже ничем не поддерживаемая снизу, вскоре рухнула под собственной тяжестью, крупными кусками раскатившись по полу. Шахтер успел проворно отскочить назад, уберегаясь от посыпавшихся на него мелких обломков и одновременно разглядывая открывшийся перед ним новый угольный пласт, в котором клинья образовали небольшие углубления.

Как раз в этот момент начали прибывать носильщицы, взявшие с собой свечи и деревянные лопаты, причем их появление вызвало у Лиззи новое изумление и даже своего рода шок.

Носильщицами сплошь были совсем еще молодые женщины и девушки.

Лиззи никогда не интересовалась, чем занимались жены и дочери шахтеров, пока мужчины трудились в шахтах. Она и подумать не могла, что они тоже проводили все дни и ночи на подземных работах.

Туннель сразу же наполнился шумом их болтовни, а воздух странным образом быстро прогрелся, заставив Лиззи даже расстегнуть на себе пальто. В полумраке почти никто из женщин не замечал посторонних визитеров, и они разговаривали свободно, не сдерживая языков. Прямо перед ними чуть более пожилой мужчина натолкнулся на женщину, которая с виду была уже не на первом месяце беременности.

- Не путайся под ногами, черт бы тебя побрал, Салли! – грубовато прикрикнул он на нее.
- Сам не лезь людям под ноги, треклятый слепой старый хрен, – огрызнулась она.

На что отозвалась другая женщина:

– Тот хрен, о котором ты толкуешь, вовсе не слепой. Один глазок у него все-таки есть! – И подруги разразились хрипловатым смехом.

Лиззи слушала их, поражаясь все больше. В мире, где обитала она, женщина никогда не употребила бы публично ругательства «треклятый», а что касалось второго смысла слова «хрен», то ей приходилось о нем лишь гадать. Но еще более ее изумляла сама по себе способность этих людей вообще смеяться над чем бы то ни было, поднявшись с постели в два часа ночи, чтобы отправиться на пятнадцать часов под землю.

Ею овладели странные чувства. Здесь все представлялось грубым, пугающим и воспринимавшимся лучше всего чуть ли не на ощупь. Темнота, рука Джея в ее руке, полураздетые шахтеры, рубившие уголь, поцелуй Джея, вульгарное веселье женщин – это заставляло нервничать, но и необычайным образом стимулировало желание жить. У нее участилось сердцебиение, кожа покраснела и немного зудела.

Болтовня вскоре затихла, поскольку носильщицы взялись за работу, заполняя углем с помощью лопат большие корзины.

– Почему этим должны заниматься женщины? – обратилась Лиззи к Джею, все еще не подавив своего удивления окончательно.

– Зарплата шахтера зависит от количества угля, которое доставят от него на поверхность, – ответил он. – Если ему приходится нанимать переносчицу, часть денег уходит из семейного бюджета. Вот почему он заставляет жену или детей помогать ему – тогда каждый грош идет в их общий котел.

Корзины быстро наполнялись. Лиззи видела, как две женщины ухватились за ручки и взгромоздили одну из них на согбенную спину третьей. Та чуть слышно застонала под тяжестью ноши. Груз дополнительно крепился ремнем, обтягивавшим лоб носильщицы. Затем она медленно побрела вдоль штрека, перегнувшись в поясе почти пополам. Лиззи понять не могла, как сможет она поднять такой вес на двести футов вверх по лестнице.

– Корзина действительно такая тяжелая, как выглядит со стороны? – спросила она.

Какой-то шахтер услышал ее вопрос.

– Мы называем такие «дамскими сумочками». Вот так-то, – обратился он к Лиззи. – В каждую входит сто пятьдесят фунтов угля. Не желаете взвесить ее на руке, юный сэр?

Джей встрял в разговор, не дав Лиззи возможности ответить.

– Разумеется, нет, – решительно отверг он предложение.

Но мужчина оказался настойчивым.

– Или хотя бы уменьшенную часть, как эта, что несет наша крошка?

К ним приближалась девчушка лет десяти или одиннадцати в бесформенном шерстяном платье и с платком на голове. Ноги ее оставались босыми. А на спине она несла такую же корзину, но заполненную лишь наполовину. Лиззи заметила, что Джей уже готов снова ответить отказом, и на сей раз опередила его.

– Да, – сказала она. – Дайте мне почувствовать вес, который несет ребенок.

Шахтер остановил девочку, а одна из женщин сняла с нее «сумочку». Дитя, казалось, было только радо временной передышке.

– Пригните спину, мистер, – попросил шахтер.

Лиззи подчинилась. Женщина взгромоздила корзину ей за плечи.

Хотя она готовилась принять на себя значительную тяжесть, вес оказался гораздо больше, чем ожидала девушка, и ей не удалось удержать его даже на секунду. Ноги подогнулись, и она начала падать. Шахтер явно предвидел такой поворот событий, успев подхватить ее, а Лиззи почувствовала, как тяжесть пропала со спины, поскольку женщина поспешила снять корзину. Они оба знали заранее, что произойдет, поняла Лиззи, невольно оказавшаяся в объятиях шахтера.

Наблюдавшие за этой сценой со стороны женщины покатались со смеху, считая, что видят перед собой молодого человека. Шахтер уверенно поддерживал Лиззи мускулистыми руками. Мозолистые ладони, жесткие, как конские копыта, сжали ее грудь под полотняной рубашкой. Она услышала, как мужчина издал чуть слышный удивленный возглас. Его пальцы стиснулись, словно он проверял, верным ли оказалось первое ощущение. Но ее груди были велики, чтобы не прощупываться, – порой она считала их чрезмерно большими, – и через мгновение рука смущенного шахтера соскользнула вниз. Мужчина заставил ее выпрямиться. Теперь он держал ее за плечи, а несказанно изумленные глаза смотрели на нее с почерневшего от угольной пыли лица.

– Мисс Хэллим! – прошептал он.

Она узнала в шахтере Малакая Макэша.

Они зачарованно смотрели друг на друга, а в ушах продолжал звенеть женский смех. Лиззи столь неожиданная близость к мужскому телу показалась глубоко чувственной. Особенно после того, что случилось чуть раньше. И она знала: он испытывает примерно такое же ощущение. На секунду она оказалась даже более тесно связанной с ним, чем прежде с Джейм,

хотя Джей поцеловал ее и долго держал за руку. Но почти тут же сквозь шум донесся другой голос, и какая-то из женщин обратилась к Маку:

– Посмотри сюда!

Женщина с таким же, как у всех, почерневшим лицом держала свечу под самым сводом туннеля. Макэш посмотрел на нее, снова обратил взор на Лиззи, но в итоге с явной неохотой человека, оставившего важное дело незавершенным, отпустил юную леди и подошел к той, что позвала его.

Он пригляделся к пламени свечи и сказал:

– Ты права, Эстер. – Потом повернулся к остальным и, уже не обращая внимания ни на Лиззи, ни на Джея, обратился к ним: – Здесь образовалось небольшое количество рудничного газа. – Лиззи захотелось немедленно броситься бежать, но Макэш вел себя совершенно спокойно. – Его пока не так много, чтобы поднимать тревогу. По крайней мере, сразу нам не следует ни о чем тревожиться. Я проверю еще несколько мест и определю, насколько далеко газ успел распространиться.

Лиззи его хладнокровие показалось невероятным. Что же за люди такие, эти шахтеры? Их жизнь представлялась ей невероятно тяжелой, но никакие тяготы не способны были сломить в них твердости духа. В сравнении с этим ее собственное существование казалось слишком пустым и бесцельным.

Джей взял Лиззи за руку.

– Думаю, мы успели увидеть достаточно много, как вы считаете? – пробормотал он ей на ухо.

Лиззи даже не пыталась с ним спорить. Ее любопытство было вполне удовлетворено. Спина болела от необходимости постоянно пригибаться. Она чувствовала себя утомленной, грязной и напуганной, и ей больше всего хотелось сейчас же оказаться на поверхности, чтобы поймать на своем лице дуновение свежего ветра.

Они поспешно двинулись вдоль туннеля к главному стволу шахты. Теперь здесь воцарилось оживление. Носильщицы тащили свои корзины и впереди и позади них. Для облегчения перемещения женщины подоткнули юбки выше колен, а свечи зажимали в зубах. Но все равно шли очень медленно под огромной тяжестью ноши. Лиззи заметила, как мужчина справляет малую нужду в сточный желоб штрека на глазах у женщин и девушек. Неужели он не мог найти для этого более уединенного места? Но она сразу поняла, что в шахте больше невозможно было бы уединиться нигде.

Они добрались до ствола и стали подниматься по лестнице. Носильщицы взбирались по ступеням на четвереньках, как играющие дети, но было ясно, что для них такое положение становилось при подъеме самым удобным. И они преодолевали его в размеренном, давно привычном темпе. Здесь уже не слышалось ни болтовни, ни шуток. Преобладавшими звуками были крик и стоны женщин от тяжести груза, который им приходилось выдерживать на себе. Через некоторое время Лиззи почувствовала необходимость в отдыхе, но носильщицы не останавливались вообще, и Лиззи со стыдом за себя и даже несколько униженно наблюдала, как самые маленькие девочки минуют ее с корзинами на спинах. Некоторые из них, не стесняясь, плакали от боли в спинах и утомления. Время от времени одна из самых слабых могла попытаться на минутку задержаться, но ее тут же грубыми ругательствами и чуть ли не оплеухами снова гнала дальше шедшая сзади мать. Лиззи так и порывалась утешить хотя бы одну из этих несчастных. Скопившиеся за ночь эмоции постепенно обратились в гнев.

– Клянусь, – сказала она с пылом, – что никогда не допущу добычи угля на наших землях до тех пор, пока я жива.

Прежде чем Джей успел отозваться на ее реплику, раздался звон колокола.

– Сигнал тревоги, – сказал Джей. – Должно быть, обнаружено большое скопление рудничного газа.

Лиззи издала стон и поднялась. В лодыжках возникло ощущение, словно в каждую из них вонзили по ножу. Никогда больше, мысленно пообещала она себе.

– Я понесу вас, – решительно заявил Джей, а затем бесцеремонно, не давая возможности начать препираться с собой, закинул ее тело себе за спину и продолжил взбираться по ступеням.

Глава восьмая

Рудничный газ распространялся с устрашающей скоростью.

Поначалу пламя принимало голубоватый оттенок, только если свеча находилась под самым сводом, но уже через минуту это стало происходить футом ниже, и Маку пришлось прекратить проверки из опасения воспламенить газ до того, как все работники будут эвакуированы из шахты.

Он дышал отрывисто и хрипло, почти поддавшись панике, но постарался взять себя в руки и мыслить ясно.

Обычно газ просачивался сквозь трещины постепенно, но сейчас дело обстояло иначе. Случилось нечто экстраординарное. По всей вероятности, гремучий газ скопился в одной из закрытых выработок, где добычу давно прекратили, но затем старая стена не выдержала давления породы сверху, и в ней образовалось отверстие, через которое опасное вещество быстро стало заполнять действующие штреки.

А ведь здесь все – мужчины, женщины и дети – несли с собой горевшие свечи. Небольшое облачко сгорело бы, не причинив никому вреда. Умеренное количество вызвало бы вспышку, опалив, вероятно, кого-то, кто оказался бы в непосредственной близости от этого места, но огромное скопление непременно привело бы к взрыву, разрушив туннели и убив всех, кто находился в них.

Мак глубоко вдохнул воздух. Главной задачей становилось сейчас вывести людей из шахты как можно скорее. Он зазвонил в колокол, считая про себя до двенадцати. Когда он прекратил звонить, уже все шахтеры и носильщицы спешили к выходу из шахты, подгоняя детей и заставляя их двигаться еще быстрее.

Но пока другие торопились покинуть туннели, две работавшие с самим Максом носильщицы оставались рядом с ним – сестра Эстер и его кузина Энни, отличавшаяся силой и проворством, но порой излишней импульсивностью, заставлявшей ее совершать нелепые поступки. С помощью своих деревянных лопат две девушки принялись выдалбливать в полу туннеля мелкое углубление, длиной и шириной соответствовавшее габаритам тела Мака. А сам Мак сорвал сверток в клеенке, свисавший с потолка в его забое, и побежал к началу штрека.

После смерти его родителей среди шахтеров раздавались голоса, что Мак, дескать, был слишком молод, чтобы взять на себя роль пожарного. Ведь на него возлагалась не только ответственность за безопасность горняков. Пожарные традиционно считались кем-то вроде лидеров всех рабочих в своей шахте. Если честно, то и сам Мак сполна разделял сомнения некоторых людей в своих способностях. Однако никто другой не пожелал взять на себя дополнительный труд, поскольку он никак не оплачивался, лишь подвергал шахтера повышенной угрозе. Но после того, как он успешно справился с первой из кризисных ситуаций, всякие пересуды прекратились. И теперь Мак мог с гордостью утверждать, что шахтеры стали доверять ему. Но та же гордость вынуждала его отныне сохранять видимость спокойствия и уверенности в себе, даже когда его самого охватывал безумный страх.

Он добрался до того места, где находился вход в его штрек. Последние, оставшиеся от других работники направлялись к лестнице. Теперь Маку предстояло избавиться от скопления газа. А единственной возможностью сделать это было сжечь его. Он вставал перед необходимостью добровольно воспламенить распространившееся облако взрывоопасного вещества.

Какое же фатальное невезение заключалось в том, что все произошло именно этой ночью! Накануне его дня рождения и побега. Теперь оставалось лишь сожалеть об излишней осторожности, помешавшей ему покинуть долину еще в воскресенье. Он убедил себя в необходимости задержаться на пару дней в надежде заставить Джеймиссонов расслабиться, поверить, что он и не помышляет никуда уезжать, внушит им ложное ощущение стабильности. У него ныло

сердце при мысли о неизбежности провести свои последние часы в роли угольщика, рискуя жизнью для спасения шахты, которую он собирался так скоро покинуть навсегда.

Если скопление рудничного газа не удастся ликвидировать, шахту надолго закроют и опечатают. А закрытие шахты в горняцкой деревне было равносильно неурожаю для крестьянской общины. Людям придется жить впроголодь. Мак навсегда запомнил то время четыре года назад, когда шахту закрывали в последний раз. В последовавшие за этим мучительные недели самые юные и старейшие из обитателей деревни умерли. Такая участь постигла и его родителей. Всего лишь через день после похорон матери Мак случайно наткнулся на заячью нору, где впала в зимнюю спячку целая семейка животных, и он безжалостно свернул им шеи, не дав проснуться. Только добытое им тогда мясо позволило выжить ему самому и Эстер.

Он взобрался на деревянную платформу и сорвал непромокаемую обертку со свертка. Внутри хранился большой факел, изготовленный из сухих веток и тряпок, моток веревки и более крупный полусферический подсвечник, чем те, что носили при себе шахтеры, закрепленный на ровной и прочной подставке, не позволявшей ему опрокинуться. Мак вставил факел в подсвечник, накрепко привязал конец веревки к подставке и запалил факел от свечи. Он мгновенно полыхнул ярким пламенем. Здесь он мог гореть в полной безопасности, поскольку газ был легче воздуха и не скапливался в таких местах, как самое дно ствола шахты. Но ему предстояло теперь внести горящий факел внутрь туннеля.

Мак задержался еще ненадолго, прикинув к скопившейся луже под платформой, обильно смочив ледяной водой одежду и волосы, чтобы создать хотя бы немного дополнительной защиты от возможных ожогов. А затем поспешил вернуться в туннель, идя вдоль него, разматывая веревку и одновременно изучая пол штрека, устраняя по пути крупные камни и прочие предметы, способные помешать движению горящего факела, когда он начнет тащить его по туннелю.

Он добрался до места, где все еще находились Эстер и Энни. При свете свечи рассмотрел результаты их работы и счел, что все готово. Траншея для него была вырыта. Эстер намочила одеяло в сточном желобе, чтобы обмотать мокрую плотную ткань вокруг тела Мака. Поежившись от холода, он улегся в углубление, держа в руке конец веревки. Энни встала рядом с ним на колени и, к его немалому удивлению, неожиданно страстно поцеловала в губы. Только потом она накрыла траншею тяжелой доской, полностью закрывшей его внутри.

Раздался всплеск, когда они и на доску вылили ведро воды, чтобы чуть больше защитить его от вспышки пламени, которую он собирался вызвать сам. Одна из них постучала по доске три раза, подавая сигнал, что они уходят.

Мак досчитал до ста, давая им время выбраться из штрека.

Только после этого, переполненный в душе самыми жуткими предчувствиями, он начал тянуть веревку, затаскивая горевший факел в туннель, приближая его с каждой секундой к своему укрытию – в туннель, уже наполовину заполненный взрывоопасным газом.

* * *

Джей донес Лиззи до конца лестницы и опустил ее прямо на замерзшую, покрытую коркой льда грязь у входа в шахту.

– С вами все в порядке? – спросил он.

– Я так счастлива, что снова попала на поверхность, – ответила она с нескрываемой благодарностью в голосе. – Даже не знаю, как мне выразить вам свою признательность за то, что вынесли меня на себе. Вы, должно быть, просто выбились из последних сил.

– Вы весите значительно меньше наполненной углем корзины, – отозвался он с улыбкой.

Говорил он так, будто ее вес был в самом деле совершенно пустяковым, но его, однако, заметно пошатывало от утомления, когда они встали, чтобы удалиться от горловины шахты, хотя ему все же удалось ни разу не споткнуться.

До рассвета оставалось еще несколько часов. Посыпал снег, причем не мягкими, плавно слетающими с неба хлопьями, а скорее градинами, которые ветер жестоко бросал прямо в глаза Лиззи. Когда последние шахтеры и носильщицы вышли из шахты, Лиззи обратила внимание на женщину, младенца которой крестили в минувшее воскресенье. Ее звали Джен, вспомнила она. И хотя она родила чуть больше недели назад, бедняжка тоже тащила на себе «дамскую сумочку» с углем. Неужели она не могла себе позволить отдых после родов? Она опорожнила корзину в общую грудку угля и передала надсмотрщику деревянную бирку. Лиззи догадалась, что по количеству таких бирок высчитывали в конце недели заработок каждого шахтера. Должно быть, Джен слишком нуждалась в деньгах, чтобы взять хотя бы несколько дней отпуска.

Лиззи продолжала наблюдать за Джен, поскольку та явно пребывала в повышенной тревоге. Подняв свечу над головой, она металась среди толпы, состоявшей из семидесяти или восьмидесяти работников шахты, всматриваясь сквозь косую завесу снегопада и выкрикивая:

– Вулли! Вулли!

Стало понятно, что она разыскивала своего ребенка. Наткнулась на мужа, и между ними произошел быстрый, но заметно преисполненный страха разговор. Затем она воскликнула:

– О нет!

Подбежала к входу в шахту и начала спускаться по ступеням.

Муж тоже подошел к шахте, но затем вернулся и принялся снова оглядывать толпу в растерянности и с испугом.

– Что случилось? – спросила у него Лиззи.

Он ответил с дрожью в голосе:

– Мы не можем найти нашего старшего сына, и жена думает, что он все еще находится в шахте.

– Только не это!

Лиззи заглянула через край входа. Ей стало видно подобие факела, горевшего на самом дне ствола. И прямо у нее на глазах факел начал двигаться и пропал внутри туннеля.

* * *

Мак уже проделывал это трижды, но на сей раз все выглядело гораздо более устрашающе. Прежде концентрация газа была намного меньше, и облако образовывалось постепенно, а не внезапно и быстро, как сейчас. Его отцу, разумеется, тоже доводилось справляться с по-настоящему крупными скоплениями газа, и когда он принимался за мытье перед очагом субботними вечерами, на его теле отчетливо проступали отметины от прежних ожогов.

Мак дрожал в пропитанном ледяной водой одеяле. Медленно натягивая веревку и подтаскивая горящий факел все ближе к себе и к газу, он старался унять страх, предавшись размышлениям об Энни. Они вместе выросли и всегда испытывали взаимную симпатию. Энни обладала мускулистым торсом и немного диковатым, необузданным нравом. Никогда прежде она не целовала его на людях, но частенько делала это наедине с ним по секрету от всех. Они поочередно позволяли друг другу изучать самые интимные уголки своих тел, учились доставлять удовольствие, допуская почти предельную физическую близость, но неизменно останавливались, не переходя той черты, которую Энни считала запретной и утверждала, что так они, чего доброго, «родят ребеночка». Но и эту черту они однажды почти переступили...

Но нет! Никакие мысли об Энни не могли отвлечь его от главного, не избавляли от панического страха. Он попробовал переключиться на другую тему и думать как можно спокойнее о том, откуда происходила утечка газа, каким образом он скапливался в одном месте. Его

траншея располагалась ниже уровня пола штрека, а потому концентрация газа здесь должна быть наименьшей, но в точности предсказать что-либо он не мог – все станет ясно, как только газ воспламенится. Мак боялся боли, знал, какие мучения причиняли ожоги. Хотя при этом он обычно не так уж сильно опасался смерти. О религии ему думать не хотелось. Его веру нельзя было назвать истовой, но он все же рассчитывал на милосердие бога. Вот только именно сейчас смерть могла прийти к нему в самое неподходящее время: он не успел сделать ничего достойного в своей жизни, нигде не побывал, мало что повидал. До сих пор он вел рабское существование. «Если переживу эту ночь, – дал он себе зарок, – то сбегу из долины уже утром. Поцелую Энни, попрошаюсь с Эстер, обведу вокруг пальца Джеймиссонов и покину эти места. Да поможет мне господь!»

Количество веревки, намотанной им на кулак, подсказало, что факел находился уже на полпути к нему. Он мог воспламенить газ в любой момент. Но существовала и самая ничтожная вероятность, что воспламенения не произойдет вообще. Отец рассказывал ему о случаях, когда газ неожиданно сам по себе исчезал, пропадая неведь куда.

Он ощутил, как веревка стала туго натягиваться на его руке, и понял, что факел слегка задерживается у стены в том месте, где туннель делает небольшой поворот. Если бы он сейчас выглянул из укрытия, то смог бы увидеть его. Газ уже обязан был воспламениться к этому моменту, уверял себя Мак.

А потом он вдруг услышал голос.

Звук поверг его в такой шок, что поначалу он посчитал его галлюцинацией, каким-то потусторонним эффектом, явлением привидения или демона.

Но сразу понял: ничего подобного происходить, конечно же, не могло. Он слышал всего лишь плач перепуганного маленького мальчика, озиравшегося по сторонам и бессмысленно спрашивавшего окружавшую его пустоту:

– Куда все подевались?

У Мака замерло сердце.

До него мгновенно дошло, что случилось в действительности. Он и сам, работая на шахте совсем еще малышом, нередко засыпал во время пятнадцатичасовой смены. Вот и этот ребенок тоже не выдержал напряжения, улегся где-то поспать и не расслышал сигнала тревоги. А когда проснулся, обнаружил шахту опустевшей и поддался паническому страху.

Маку потребовалась доля секунды, чтобы понять, как ему следует поступить.

Он откинул доску в сторону и выскочил из укрытия. Туннель был освещен ярко горящим факелом, и Мак увидел мальчугана, выходившего из бокового штрека, завывая и потирая кулачками глаза. Это был Вулли – сын Джен, двоюродной сестры Мака.

– Дядя! – радостно воскликнул ребенок.

Мак бросился к нему, на ходу сдергивая с себя пропитанное водой одеяло. Места в траншее не хватило бы для них двоих: им придется попытаться добежать до ствола шахты до того, как рванет газ. Мак завернул мальчика в сырое одеяло и сказал:

– Образовалось скопление рудничного газа, Вулли. Нам нужно скорее выбраться отсюда!

Он сгреб малыша в охапку, прижал его к себе одной рукой и побежал.

Приблизившись к факелу, он всей душой пожелал, чтобы он не воспламенил газ, и ему было странно слышать собственный голос, издавший крики:

– Еще рано! Слишком рано!

И пробежал дальше.

Мальчик весил очень мало, но бег давался с трудом в полусогнутом положении, а пол под ногами только усугублял сложности. Местами он превратился в болото, местами его покрывал толстый слой пыли, а неровным он был повсюду, и в спешке двигавшийся человек мог неожиданно споткнуться когда угодно. Но Мак мчался вперед, порой действительно спотыка-

ясь, но сохраняя равновесие, в любой момент ожидая услышать за спиной грохот, который станет последним звуком в его жизни.

Когда он миновал поворот туннеля, свет от факела полностью померк. Он бежал в полной темноте и уже скоро с ходу врезался в стену, растянувшись во весь рост и выронив Вулли. Выругался и поднялся.

Мальчик заплакал. Мак по звуку нашел его во мраке и снова взял на руки. Ему пришлось двигаться теперь медленнее, ощупывая стену штрека перед собой свободной рукой и проклиная темноту. Но затем, на его счастье, впереди замерцало пламя свечи прямо у входа в туннель, Мак услышал голос Джен, выкрикивавшей:

– Вулли! Вулли!

– Он со мной, Джен! – криком же отозвался Мак, снова переходя на бег. – Начинай подниматься по ступеням!

Но она не подчинилась ему и продолжила идти в их сторону.

А ведь им оставалось преодолеть всего несколько ярдов до конца туннеля, чтобы оказаться в безопасности.

– Возвращайся! – крикнул он, но она все еще шла навстречу.

Он буквально врезался в нее, тоже обхватил рукой и повлек к выходу.

В этот момент газ взорвался.

Сначала на мгновение уши пронизало резкое и тонкое шипение, а затем все вокруг потряс невероятно громкий, уже совершенно оглушительный грохот. Что-то подобное кулаку великана ударило Мака в спину, и его ноги оторвались от пола, а он не сумел удержать в захвате ни Вулли, ни Джен. Его подбросило в воздух. Он почувствовал волну опаляющего жара и уже был уверен в своей неизбежной смерти, но внезапно с плеском головой вперед рухнул в разлив ледяной воды, скопившейся под платформой на дне ствола шахты.

Главное – он был все еще жив.

Вынырнув на поверхность, протер глаза и осмотрелся.

Деревянная платформа в нескольких местах загорелась, и потому все вокруг оказалось превосходно освещено. Мак обнаружил Джен, которая барахталась рядом и почти захлебнулась. Он одним порывистым движением вытолкнул ее из воды и помог взобраться на платформу.

Джен с трудом дышала, но сразу же спросила:

– Где же Вулли?

От ударной волны мальчик мог лишиться сознания, с тревогой подумал Мак. Он перебрался по другую сторону платформы, наткнувшись на цепь для подъема ведер, переставшую функционировать. После недолгих поисков ему удалось обнаружить некий плавающий на поверхности предмет, которым и оказался тоже оставшийся в живых Вулли. Мак вытащил его из воды, усадил рядом с матерью, после чего выбрался к ним сам.

Вулли наглотался воды, но не получил никаких повреждений.

– Слава богу, – всхлипывала Джен, – мой сынок уцелел.

Мак заглянул внутрь туннеля. В нем продолжали кое-где догорать оставшиеся мелкие скопления газа.

– Давайте скорее подниматься по лестнице, – сказал он. – Еще может случиться повторный взрыв.

Он заставил Джен и Вулли подняться и почти пинками погнал перед собой. Джен схватила Вулли, посадив себе на плечи, – его вес был почти неощутимым для женщины, привыкшей таскать полные угля корзины по этим ступеням двадцать раз за многочасовую смену.

Мак в нерешительности задержался, глядя на небольшие костерки, возникшие у подножия лестницы. Если вся лестница сгорит, шахту могут закрыть на несколько недель, пока будут сооружать новую. А потому он рискнул остаться на дне ствола еще ненадолго, чтобы брызгами

воды из-под платформы погасить пламя окончательно. Лишь после этого он последовал вверх за Джен.

Оказавшись на поверхности, он почувствовал неимоверную усталость, боль во всем теле и головокружение. Его сразу же окружила толпа. Ему пожимали руки, похлопывали по спине, поздравляли с успехом. Затем шахтеры расступились, чтобы дать место Джею Джеймиссону и его спутнику, в котором Мак успел раньше узнать переодетую мужчиной Лиззи Хэллим.

– Отличная работа, Макэш, – сказал Джей. – Уверен, моя семья сумеет по достоинству оценить вашу храбрость.

Самодовольный мерзавец, обозвал его про себя Мак.

Лиззи спросила:

– Неужели не существует другого способа справиться с проблемой скопления рудничного газа?

– Увы, нет, – первым ответил ей Джей.

– Разумеется, такой способ есть, – зашелся от возмущения и поспешил возразить ему Мак.

– В самом деле? – заинтересовалась Лиззи. – Какой же?

Маку пришлось сначала полностью восстановить нормальное дыхание.

– Необходимо всего лишь пробурить с поверхности вентиляционные отверстия, через которые газ будет подниматься наружу, не скапливаясь в опасных количествах вообще. – Он снова сделал глубокий вдох. – Мы годами безрезультатно твердили об этом Джеймиссонам.

Среди стоявших вокруг шахтеров пробежала волна возгласов, подтверждавших правоту его слов.

Лиззи повернулась к Джею.

– Почему же вы не сделали этого?

– Вы не разбираетесь в бизнесе, и мне он тоже не всегда понятен, – отозвался Джей. – Знаю только общий принцип, которого придерживаются все бизнесмены. Ни один из них не станет оплачивать дорогостоящих работ, если есть дешевый путь для достижения такого же результата. Стоит вложить лишние деньги, и твои конкуренты получают над тобой преимущество в стоимости продукта. Простейший закон политической экономии.

– Можете называть это как угодно мудрено, – зло сказал Мак, – но простые шахтеры воспринимают такую экономию как отвратительную жадность хозяев.

Раздались несколько выкриков из толпы:

– Верно! Он правильно говорит!

– Бросьте, Макэш, – снисходительно посмотрел на него Джей. – Не надо портить столь впечатляющий эффект новыми попытками превысить отведенные вам полномочия. Так вы можете рано или поздно попасть в серьезную беду.

– Ни в какую беду я уже не попаду, – ответил ему Мак. – Сегодня мне исполняется двадцать один год. У меня день рождения. – Он понимал, что ему не следует продолжать, но сдержаться оказалось свыше его сил. – А я не отработал здесь положенного года и одного дня, хотя не хватило совсем немного. И не собираюсь отрабатывать.

Толпа внезапно притихла, и Мак преисполнился неведомого прежде радостного ощущения своей свободы.

– Я ухожу, мистер Джеймиссон, – сказал он. – Увольняюсь. Прощайте.

С этими словами он повернулся спиной к Джею и при всеобщем молчании пошел прочь от шахты.

Глава девятая

К тому времени, когда Джей и Лиззи вернулись в замок, восемь или десять слуг уже трудились, разжигая огонь в очагах и подметая полы при свечах. Лиззи, совершенно почерневшая от угольной пыли и едва способная двигаться, охваченная предельной усталостью, шепотом поблагодарила Джея и, пошатываясь, поднялась наверх. Джей распорядился принести к себе в спальню небольшую ванну, наполнить ее горячей водой, после чего основательно помылся, соскребая с кожи черноту куском пемзы.

За последние сорок восемь часов в его жизни произошли поистине знаменательные события. Отец выделил ему долю наследства, скорее похожую на презрительную насмешку. Мать прокляла отца. А он сам покушался на жизнь собственного брата. Но, как ни странно, не мысли обо всем этом владели им сейчас. Лежа в ванне, думал он исключительно о Лиззи. Ее вечно лукавое лицо возникало перед ним в облаке пара, ехидно улыбаясь, поблескивая пронизательными глазами, дразня его, искушая, бросая вызов. Ему вспомнились ощущения, пережитые им, пока он нес ее на спине вверх по лестнице ствола шахты: ее тело было легким, мягким, податливым, а он бережно прижимал к себе сзади ее изящную маленькую фигуру, преодолевая ступень за ступенью. Интересно, думает ли она сама о нем сейчас? – гадал он. Она наверняка тоже заказала для себя ванну с горячей водой – не могла же повалиться в постель, оставаясь до такой степени грязной? Он вообразил себе, как она лежит обнаженной перед огнем в камине, намыливая руки, ноги, живот. Ему бы страстно хотелось оказаться в такой момент вместе с ней, взять мочалку из ее руки, чтобы нежными движениями смывать угольную пыль с соблазнительных изгибов груди. Почувствовав, что подобные мысли слишком возбуждают, он поспешил покинуть ванну и насухо обтерся грубой тканью полотенца.

Ему совсем не хотелось спать. Его так и подмывало обсудить с кем-нибудь приключения этой ночи, но Лиззи, надо полагать, не проснется теперь еще очень долго. Он подумал о своей матери. Ей можно было довериться. Порой она заставляла его совершать поступки, противоречившие его натуре, но неизменно оставалась на стороне сына, что бы ни случилось.

Джей побрился, переоделся во все чистое и отправился по коридору к ее комнате. Как он и ожидал, мать уже бодрствовала, попивая горячий шоколад, усевшись перед туалетным столиком, а горничная тем временем расчесывала ее волосы. Она улыбнулась ему. Он поцеловал ее и опустился в кресло. Выглядела она привлекательной даже в столь ранний час, но на ее душе явно лежала тяжесть стали.

Отпустив горничную, она спросила:

- Почему ты еще не спишь?
- Я не ложился вообще. Посетил ночью шахту.
- Вместе с Лиззи Хэллим?

Как же она умна и проницательна, с восхищением подумал Джей. Всегда знала или догадывалась обо всем, что происходило. Но его это нисколько не смущало, потому что мама не могла обратить свою осведомленность против него.

– Как ты это поняла? – спросил он.

– Проще простого. Она отчаянно желала попасть туда, и не в ее характере смиренно принимать любые запреты. Лиззи не воспринимает слово «нельзя» всерьез.

– Мы попали туда не в самый удачный момент. В шахте прогремел взрыв.

– Боже милостивый, с тобой все в порядке?

– Да, конечно...

– Но я все равно пошлю за доктором Стивенсоном...

– Перестань беспокоиться обо мне, мама! Когда раздался взрыв, я уже успел выбраться из шахты. Как и Лиззи. У меня осталась лишь легкая слабость в коленях, поскольку пришлось выносить ее на себе вверх по очень длинной лестнице.

Мать сразу заметно успокоилась.

– И что Лиззи думает об увиденном?

– Она поклялась никогда не допустить добычи угля на территории поместья семьи Хэллим.

Алисия рассмеялась.

– Зато твой отец как раз алчет добраться до месторождения угля на их землях. Что ж, буду с любопытством наблюдать, когда между ними возникнет конфликт. Как только Роберт станет ее мужем, он получит право действовать, не считаясь с ее желаниями... Теоретически. Посмотрим. Как, по твоему мнению, продвигаются амурные дела между ними?

– Роберт не умеет ухаживать за женщинами или флиртовать, и это еще мягко выражаясь, – презрительно сказал Джей.

– Зато этим искусством отменно владеешь ты, не так ли? – с откровенным удовольствием отметила она.

Джей пожал плечами.

– Он, разумеется, предпринимает неуклюжие попытки.

– Может статься, в итоге она так и не захочет выйти за него.

– Думаю, у нее нет другого выхода.

Мать пристально посмотрела на него.

– Ты узнал нечто, о чем не известно мне?

– У леди Хэллим возникли трудности с возобновлением договора по закладной. Мой папочка позаботился об этом.

– Неужели? Какое коварство с его стороны!

Джей вздохнул.

– Она восхитительная девушка. И заслуживает мужа получше, чем Роберт.

Мать положила ладонь на его колено.

– Джей, милый мой мальчик. Помни, что она еще не принадлежит Роберту.

– Действительно, она еще может выйти замуж за кого-нибудь другого.

– Она может выйти замуж за тебя.

– Господь всемогущий, мама!

Хотя он и решил поцеловать Лиззи, ему даже в голову не приходила весьма маловероятная возможность стать ее супругом.

– Но ты же влюблен в нее. Мне ли не заметить этого?

– Любовь? Значит, вот что это такое?

– Конечно же! Твои глаза загораются при одном упоминании ее имени, а когда она входит в комнату, ты больше никого в ней не замечаешь.

Она очень верно описала ощущения самого Джея. Между ними не существовало секретов.

– Да, но жениться на ней?

– Если ты ее любишь, сделай предложение! Станешь хозяином усадьбы Хай Глен.

– Это стало бы хорошим ударом по самолюбию Роберта, – сказал Джей с ухмылкой. При мысли о том, что Лиззи может стать его женой, сердцебиение молодого человека участилось, но он сразу же постарался сосредоточиться на практической стороне дела. – Но ведь я буду нищим. Землевладельцем без гроша за душой.

– Ты и сейчас не имеешь в кармане ни пенни. Но сможешь управлять имением значительно лучше, чем леди Хэллим. Она совершенно лишена способностей заниматься бизнесом. Это же необъятные территории. Не менее десяти миль в длину занимает только долина Хай

Глен. А ведь им принадлежат к тому же Крейги и Крук Глен. Ты расчистишь новые участки под пастбища, станешь производить и продавать гораздо больше мяса, построишь водяную мельницу... С поместья можно получать изрядный доход, даже не добывая там угля.

– А как же быть с закладной?

– У тебя гораздо больше шансов получить деньги взаймы, чем у нее. Ты молод, полон сил, энергии, принадлежишь к богатому семейству. Тебе легко удастся найти источник для выплаты очередного взноса по закладной. А со временем...

– Что?

– Могу сказать лишь одно: Лиззи импульсивная девушка. Сегодня она клянется никогда не допустить добычи угля в поместье Хэллимов. Бог знает, что она выдумает завтра. Может, например, запретить у себя охоту. А уже через неделю забудет обо всех своих зароках и клятвах. Если тебе когда-нибудь все же удастся начать строить угольные шахты, то запросто расплатишься со всеми долгами.

Джей скорчил гримасу.

– Даже не представляю себе перспективы пойти против воли Лиззи в столь важном вопросе.

Он успел подумать, что скорее хотел бы выращивать сахарный тростник на Барбадосе, чем добывать уголь в Шотландии. Но желание обладать Лиззи от этого не ослабевало.

Внезапно мать ошарашила его, сменив тему разговора:

– Что произошло вчера во время охоты?

Джея ее вопрос застал врасплох, и он понял, что не в состоянии придумать правдоподобную ложь. Он покраснел и начал чуть заикаться, когда наконец ответил:

– У меня случилась новая стычка с отцом.

– Это мне известно, – сказала она. – У вас все было написано на лицах, когда вы вернулись. Но это была не простая ссора. Ты совершил нечто, глубоко потрясшее его. Что именно?

Джею никогда не удавались попытки обмануть ее.

– Я попытался застрелить Роберта, – признался он с самым жалким видом.

– О, Джей, но это же просто ужасно! – воскликнула Алисия.

Он низко склонил голову. Самым постыдным для него сейчас было то, что он не довел замысел до успешного конца. Если бы ему все же удалось убить брата, он испытывал бы чудовищное чувство вины, но к нему одновременно примешивалось бы диковатое ощущение триумфа. А вышло так, что ему оставалось только подавлять в себе вину.

Мать встала рядом с креслом и прижала голову сына к груди.

– Мой бедный мальчик, – сказала она. – В этом не было никакой необходимости. Не волнуйся, мы найдем другой способ решить все проблемы.

Она стала тихо покачиваться, поглаживая его по волосам и приговаривая:

– Ну-ну, не стоит так переживать.

* * *

– Как ты могла пойти на такой ужасный поступок? – ныла леди Хэллим, оттирая мочалкой спину Лиззи.

– Я должна была увидеть все своими глазами, – ответила Лиззи. – Ой, не надо нажимать так сильно!

– Уж приходится. Думаешь, угольная пыль так легко смывается?

– Меня слишком возмутил Макэш, когда заявил, что я понятия не имею, о чем рассуждаю, – продолжала Лиззи.

– А к чему тебе иметь понятие о подобных вещах? – спросила мать. – Какой смысл для молодой леди приобщаться к подробностям добычи угля, если мне будет позволено поинтересоваться?

– Ненавижу, если мужчины не считаются со мной на том основании, например, что женщины не разбираются в политике, или в сельском хозяйстве, или в добыче угля, или в коммерции. Этот аргумент позволяет им без возражений нести в моем присутствии полнейшую чепуху.

Леди Хэллим издала громкий стон.

– Надеюсь, Роберт не против твоего стремления стать во всем вровень с мужчинами?

– Ему придется принять меня такой, какая я есть, или не принять вообще.

Мать отозвалась полным отчаяния вздохом.

– Нет, дорогая моя, так дело не пойдет. Ты должна хоть как-то поощрять его, возбуждать его стремление к женитьбе. Разумеется, девушке не следует казаться уж слишком горячо желающей замужества. Но ты слишком далеко заходишь в прямо противоположном направлении. Обещай, что сегодня будешь с Робертом особенно мила?

– А что ты думаешь о Джее, мама?

Та только улыбнулась.

– Он, конечно, очаровательный молодой человек... – Внезапно она оборвала свою фразу и пристально уставилась на Лиззи. – Почему тебя вдруг заинтересовало мое мнение о нем?

– В шахте он поцеловал меня.

– Только не это! – Леди Хэллим выпрямилась и в ярости швырнула мочалку в другой конец комнаты. – Это уже переходит всякие границы, Элизабет! Я ничего подобного не потерплю! – Лиззи искренне поразились столь неожиданной и искренней вспышке материнского гнева. – Я не для того двадцать лет прожила в строжайшей экономии и растила тебя, чтобы ты вышла замуж за нищего!

– Он вовсе не нищий...

– Нищий! Ты ведь присутствовала при отвратительной сцене с его отцом. Все, что он получил в наследство, – лошадь! Лиззи, ты не можешь так поступить!

Матерью овладел неистовый гнев. Лиззи никогда прежде не видела ее такой и не могла найти столь яростной озлобленности объяснения.

– Успокойся, пожалуйста, мамочка, – обратилась к ней она. Затем поднялась и выбралась из ванны. – Сделай милость, подай мне полотенце.

А мать, к ее величайшему изумлению, закрыла лицо ладонями и горько зарыдала. Лиззи обняла ее и спросила:

– Мама, дорогая, в чем дело?

– Прикройся хотя бы немного, несносное дитя, – выдавила из себя ее мать в промежутках между всхлипываниями.

Лиззи обернула одеяло поверх своего все еще мокрого тела.

– Тебе лучше будет сесть, мама.

И она подвела ее к креслу.

Через какое-то время мать немного пришла в себя и обратилась к дочери:

– Твой отец был в точности таким же, как Джей. Просто копия, – сказала она с мрачным выражением лица. – Высокий, красивый, очаровательный любитель целоваться в укромных уголках. Но слабый и бесхарактерный. Я поддалась своим самым низменным инстинктам и вышла за него замуж вопреки собственному здравому смыслу, хотя прекрасно знала, до какой степени он ненадежен. За три года он промотал все мое состояние, а еще годом позже пьяным свалился с коня, сломал себе свою такую изящную шею и умер.

– О, мама! – Лиззи шокировал жесткий голос матери. Обычно она рассказывала об отце несколько другую, сглаженную историю в более нейтральных тонах. По ее словам, ему просто

не повезло в бизнесе, его постигла трагическая безвременная смерть, а семейные юристы не сумели правильно распорядиться финансами и доходами от поместья. Лиззи толком не помнила его. Ей едва исполнилось три года, когда отца не стало.

– А меня он презирал и отвергал за то, что не сумела подарить ему сына, – продолжала мать. – Сына, который стал бы таким же, как он сам, беспечным и расточительным, а потом тоже разбил бы сердце какой-нибудь несчастной девушке. Но я уже знала, как не позволить этому случиться.

Лиззи пережила еще один шок. Неужели это правда, что женщины способны предотвращать беременность? И ее мать воспользовалась этим, чтобы воспрепятствовать осуществлению желаний своего мужа.

Мать сжала ей руку.

– Обещай мне не выходить за него замуж, Лиззи. Поклянись!

Лиззи отдернула руку. Она чувствовала себя плохой дочерью, но не умела укрывать правды.

– Не могу тебе ничего обещать, – сказала она. – Я люблю его.

* * *

Когда Джей покинул спальню матери, чувство вины и стыд моментально рассеялись, и он внезапно ощутил, что очень проголодался, и спустился в столовую. Там уже сидели его отец и Роберт, поедая толстые ломти жареной ветчины с печеными яблоками в сахаре на десерт, и разговаривали с Гарри Рэтчетом. Как управляющий шахты, Рэтчет явился, чтобы доложить о взрыве рудничного газа. Отец сурово оглядел Джея и сказал:

– Как я слышал, ты спускался в шахту Хьюк этой ночью.

У Джея сразу начал пропадать всякий аппетит.

– Да, спускался, – ответил он. – Там произошел взрыв.

Он налил себе из графина стакан эля.

– О взрыве мне уже все известно, – сказал отец. – Кто был твоим спутником?

Джей отпил немного пива.

– Лиззи Хэллим, – признался он.

Лицо Роберта побагровело.

– Черт бы тебя побрал! – в сердцах воскликнул он. – Ты же прекрасно знал, что папа не хотел разрешать ей посещение шахты.

Джея его реплика только раззадорила и заставила с вызовом обратиться к сэру Джорджу:

– Ну что, папочка, как ты собираешься теперь наказать меня? Оставишь без гроша? Но ты уже преуспел в этом.

Отец угрожающе потряс указательным пальцем перед его носом.

– Предупреждаю в последний раз не нарушать моих приказов.

– Тебе следовало бы больше беспокоиться не обо мне, а о Макэше, – отозвался Джей, стремясь направить злость отца в иное направление. – Он заявил всем, что уйдет сегодня же.

– Проклятый дерзкий мерзавец, – первым отреагировал на его слова Роберт, причем не было до конца ясно, на кого он наклеил ярлык – на Макэша или же Джея.

Гарри Рэтчет откашлялся и позволил себе высказаться:

– Вам, быть может, будет лучше просто дать Макэшу уйти, сэр Джордж. Он хороший работник, но создает слишком много проблем. Нам станет легче, если мы избавимся от него.

– Не могу этого допустить, – ответил сэр Джордж. – Макэш посмел публично восстать против моей власти. Позволь мне ему свободно уйти, каждый молодой шахтер решит, что имеет право последовать его примеру.

Роберт поспешил дополнить слова отца:

– И дело гораздо серьезнее, чем тебе кажется, Рэтчет. Этот юрист Гордонсон разошлет такие же письма на все шахты в Шотландии. И если молодым шахтерам станет дозволено покидать работу по достижении двадцати одного года, вся угледобывающая промышленность понесет непоправимые потери и придет в упадок.

– Вот именно, – кивнул в знак согласия отец. – И что вся британская нация станет делать, оставшись без угля? Скажу прямо: если однажды Каспар Гордонсон предстанет перед моим судом, я обвиню его в государственной измене и приговорю к виселице быстрее, чем он успеет произнести слово «неконституционно». Я буду не я!

– На самом деле наш патриотический долг заключается в том, чтобы любым способом помешать Макэшу, – подхватил Роберт.

Они уже забыли о проступке Джея к величайшему его облегчению. Стремясь как можно дольше сводить разговор к избранной теме, он спросил:

– Да, но что вы можете предпринять против него?

– Я засажу его за решетку, – решительно заявил сэр Джордж.

– Не годится, – возразил Роберт. – Он отбудет свой срок и все равно сможет заявить, что остается свободным человеком.

Между ними воцарилось задумчивое молчание.

– Его необходимо выпороть, – предложил Роберт.

– Это неплохой вариант, – восторженно воскликнул сэр Джордж. – Я имею право подвергать их телесным наказаниям. По закону.

Рэтчет казался не слишком довольным таким оборотом событий.

– Но ведь прошло много лет с тех пор, как владелец шахты воспользовался этим своим правом, сэр Джордж. И кто возьмется за кнут?

– Зачем же кому-то братья за кнут? Как мы обычно поступаем с нарушителями порядка? – нетерпеливо спросил Роберт.

– Им мы поручаем самые позорные дела. Он будет вращать на шахте барабан, – с улыбкой ответил сэр Джордж.

Глава десятая

Маку очень хотелось сразу же уйти пешком в сторону Эдинбурга, но он понимал, что в таком случае совершит непростительную глупость. Хотя он не отработал полной смены, чувствовал себя совершенно изможденным и слегка ошеломленным. Ему требовалось время, чтобы обдумать, как поступят Джеймиссоны, и найти способ перехитрить их. Он вернулся домой, сбросил с себя мокрую одежду, развел огонь в очаге и улегся в постель. От погружения в стоки, скопившиеся под платформой, он был грязнее, чем обычно, поскольку вода там густо пропиталась угольной пылью, но его постельное белье и одеяло уже были такими грязными, что ничего добавить к этой черноте он уже не мог. Как и большинству шахтеров, мыться более или менее основательно ему удавалось лишь раз в неделю – субботними вечерами.

Остальные шахтеры после взрыва вернулись к работе. Эстер и Энни тоже задержались, собирая нарубленный Маком уголь и вынося его на поверхность: сестра не могла допустить, чтобы труд брата пропал впустую.

Постепенно проваливаясь в сон, он размышлял, почему мужчины неизменно уставали быстрее женщин. Те же забойщики – сплошь мужчины – работали по десять часов кряду с полуночи до десяти утра. А носильщицы, среди которых преобладали женщины, трудились с двух часов утра до пяти вечера – то есть их смена длилась пятнадцать часов без перерыва. Причем им приходилось значительно тяжелее, чем самим шахтерам. Они раз за разом взбирались по лестнице с огромными корзинами угля на согбенных спинах, но все равно продолжали делать это еще долго после того, как мужчины уже добредали до своих домов и валялись без чувств на кровати. Иногда женщины тоже брались за шахтерскую работу, но это случалось крайне редко. Орудия киркой или молотом, большинство из них не умели наносить достаточно сильных ударов, а потому затрачивали чрезмерно много времени, чтобы отколоть от стены забоя столько же угля, сколько получалось у их мужей или братьев.

Мужчины обязательно недолго дремали по возвращении домой. Впрочем, уже через час или два снова вставали. Большинство из них непременно готовили еду для жен и детей. Но некоторые предпочитали отправиться и выпить в заведении миссис Уейгел. Их жен все жалели – для женщины становилось печальным дополнительным испытанием после пятнадцати часов тяжелой работы обнаружить, что в доме не растоплен очаг, нет ничего к ужину, а муж пьян и весел. Если жизнь шахтера была нелегка, то женам приходилось несладко вдвойне.

Когда Мак проснулся, он мгновенно осознал, что для него наступил знаменательный день, но не сразу вспомнил причину. Затем его вдруг осенило: он собирался покинуть долину.

Далеко уйти ему не удастся, если он будет выглядеть как беглый шахтер, а потому первым делом следовало отмыться от грязи. Он развел огонь и несколько раз сходил к речке с ведром для воды. Согрел воду на очаге и принес жестяное корыто, висевшее на задней двери дома. Маленькая комнатка наполнилась паром. Он наполнил корыто, забрался в него, прихватив кусок мыла с жесткой щеткой, и принялся скрести ею свое тело.

В нем зародилось приятное ощущение. Ведь он в последний раз смывал с себя угольную пыль, ему никогда больше не придется спускаться в шахту. Рабство он оставлял в прошлом. А впереди ждали Эдинбург, Лондон, весь мир. Он встретит людей, никогда даже не слышавших о Хьюке и местной шахте. Его дальнейшая судьба представлялась чистым листом бумаги, на котором он может написать все, что пожелает.

Он все еще мылся, когда в комнату вошла Энни.

Девушка в нерешительности замерла на пороге. Она выглядела встревоженной и растерянной. Мак улыбнулся, протянул ей щетку и попросил:

– Помоги мне оттереть спину, пожалуйста.

Она сделала шаг вперед, взяла щетку, но затем снова остановилась с тем же несчастным выражением на лице.

– Давай же, – сказал он.

Энни начала скрести щеткой по его спине.

– Все говорят, что шахтеру нельзя отмывать начисто спину, – промямлила она потом. – От этого мужчина слабеет, как считается.

– А я больше не шахтер.

Она еще раз словно окаменела.

– Не уходи от нас, Мак, – умоляющим тоном сказала она. – Не оставляй меня здесь одну.

Чего-то подобного он исподволь опасался. Тот поцелуй в губы стал для него значимым предупреждением. Его посетило чувство вины. Ему нравилась кузина, он с удовольствием предавался с ней прошлым летом интимным играм, перекатываясь вдвоем среди вереска в теплые воскресные послеобеденные часы. Но провести вместе с ней всю жизнь вовсе не входило в его планы. Особенно если в таком случае возникала необходимость оставаться в Хьюке. Смогут ли он объяснить ей это, не нанеся тяжелой душевной травмы? У нее уже слезы навернулись на глаза, и он понимал, как хочется ей добиться от него обещания не бросать ее. Но его решимость бежать была слишком сильна. Он никогда и ничего в прежней жизни не желал больше.

– Я должен уйти, – сказал он. – Мне будет очень тоскливо без тебя, Энни, но бежать так или иначе придется.

– Ты мнишь себя лучше нас всех, верно? – спросила она уже немного сердито. – Твоя мать забивала себе голову идеями, не положенными при ее положении в обществе, и ты туда же. Для меня ты слишком хорош, так ты думаешь? Отправляешься в Лондон, чтобы жениться там на знатной леди, скажешь нет?

Его мать действительно часто заносилась мыслями слишком высоко, что правда, то правда, но он собирался в Лондон вовсе не для женитьбы на аристократке. И был ли он лучше, чем они? Считал ли Энни недостойной себя? Небольшая доля истины в ее словах присутствовала, и Мак даже почувствовал неловкость и смущение от этого.

– Я знаю одно, – ответил он. – Мы все слишком хороши, чтобы оставаться рабами.

Она присела на корточки рядом с корытом и обняла его торчавшие из воды колени.

– Ты совсем не любишь меня, Мак?

К своему величайшему стыду, он заметил, что у него возникает эрекция. Ему так и хотелось прижать ее к себе и утешить, унять слезы, но сердцем он уже ожесточился.

– Ты очень дорога для меня, Энни, но я никогда не объяснялся тебе в любви, как и ты мне.

Ее рука скользнула под воду и ему между ног. Она улыбнулась, ощутив в пальцах нечто очень твердое.

– А где Эстер? – спросил он.

– Играет с новорожденным младенцем Джен. Ее не будет дома еще достаточно долго.

Это Энни уговорила сестру задержаться, сообразил Мак. Иначе она поспешила бы к нему, чтобы расспросить о его планах.

– Оставайся здесь и давай поженимся, – сказала Энни, лаская его. Ощущение было невыразимо приятным. Он сам научил ее делать это прошлым летом, а потом заставил показать, как она доставляла наслаждение самой себе. Воспоминание только распалило его похоть.

– Мы сможем заниматься всем, что тебе будет угодно и когда угодно, – продолжала соблазнять его Энни.

– Если я женюсь, то застряну здесь на всю жизнь, – пытался возражать Мак, но сам уже ощущал, как перестает противиться вожделению, как слабеет его сопротивление.

Энни поднялась и сняла через голову платье. Под ним она не носила ничего. Нижнее белье обычно берегли для воскресных дней. У нее было стройное и крепкое тело с маленькими, почти плоскими грудями и с густым пучком черных волос на лобке. Почти вся ее кожа, как и

у Мака, посерела от угольной пыли. Совершенно неожиданно она забралась к нему в корыто, заменявшее ванну, раздвинув коленками его ноги.

– Теперь твоя очередь помыть меня, – заявила она, передавая ему кусок мыла.

Он принялся медленно намыливать ее, покрывая пеной, а потом положил руки на груди. Ее маленькие соски отвердели. Она издала глубокий горловой стон, схватила за кисти рук и направила их вниз, заставив мимоходом погладить живот, к своей промежности. Его скользкие от мыла пальцы легко проникли между бедер, и он ощутил жесткие завитки лобковых волос с нежной плотью, скрывавшейся под ними.

– Обещай остаться, – уговаривала она. – Давай доведем все до конца. Я хочу почувствовать, как ты войдешь в меня.

Он понимал, что, если поддастся уговорам, его судьба окажется предрешена. Во всей этой сцене присутствовало нечто нереальное, как во сне.

– Нет, – попытался громко сказать Мак, но у него получился всего лишь шепот.

Она обняла его крепче, прижав лицо к груди, затем опустила так, чтобы ее внешние губы коснулись самого кончика его напряженного члена там, где он стал теперь виден над водой.

– Соглашайся, – убеждала она. – Скажи мне «да».

Мак тоже издал стон и бросил попытки сопротивляться.

– Да. Давай сделаем это, – сказала он. – Скорее.

Раздался оглушительный грохот, и входная дверь распахнулась.

Энни закричала.

В комнату ворвались четверо мужчин, заполнив собой ее небольшое пространство: Роберт Джеймиссон, Гарри Рэтчет и два егеря Джеймиссонов. Роберт нацепил шпагу, а в обеих руках держал по пистолету. Один из егерей вооружился мушкетом.

Энни оставила Мака, первой выбравшись из корыта. Перепуганный и совершенно потерянный, Мак тоже поднялся на ноги, слегка пошатываясь.

Егерь с мушкетом посмотрел на Энни.

– Милая парочка. Кузен с кузиной, – сказал он с гнусной ухмылкой.

Мак знал этого человека по фамилии Макалистер. Был ему знаком и второй: громадного роста и мощного сложения грубиян и задира, которого звали Таннером.

Роберт хрипло рассмеялся.

– Так вот, значит, с кем он развлекается! С собственной кузиной? Что ж, вероятно, кровосмешение среди шахтеров дело обычное.

Страх и смущение Мака быстро уступили место ярости от столь бесцеремонного вторжения в его дом. Но он подавил гнев и с усилием заставил себя сохранять спокойствие. Он оказался в серьезной опасности, и его страшила вероятность, что и Энни могла пострадать вместе с ним. Ему необходимо было сохранять здравый рассудок, не давая воли возмущению. Он посмотрел на Роберта.

– Я свободный человек и не нарушил никаких законов, – сказал он. – Что вам понадобилось в моем доме?

Макалистер не сводил глаз с мокрого тела Энни, от которого все еще исходил пар.

– Какое приятное зрелище. – Он не скрывал, что любит обнаженную девушкой.

Мак повернулся к нему. Негромким и ровным голосом он сказал:

– Только посмей дотронуться до нее, и я оторву тебе голову голыми руками.

Макалистер оценил мускулатуру Мака и понял, что тот вполне способен привести угрозу в исполнение. Хотя он и был вооружен, егерь побледнел и сделал шаг назад.

Но Таннер превосходил Мака массой и силой, отличаясь к тому же поразительной наглостью. Он протянул руки и взялся за покрытые мыльной пеной груди Энни.

Мак рванулся с места без малейших колебаний. Через мгновение он уже ухватил Таннера за кисть руки. Прежде чем кто-либо успел хотя бы пошевелиться, он сунул руку громилы егеря в пламя печи.

Таннер орал от боли и извивался, но не мог избавиться от захвата Мака.

– Отпусти меня! – взвыл он. – Пожалуйста, отпусти!

Но Мак продолжал удерживать его руку прямо среди раскаленных углей и выкрикнул:

– Беги отсюда, Энни! Беги!

Девушка проворно подняла с пола свое платье и выскочила в заднюю дверь дома.

Приклад мушкета обрушился на затылок Мака.

Подлое нападение сзади взбесило его, и теперь, когда Энни сбежала, он утратил остатки осторожности. Отпустив Таннера, он сгреб Макалистера за воротник куртки и кулаком нанес сильный удар в лицо, сломав егерю нос. Брызнула кровь. Макалистер тоже взревел от боли. Мак же успел развернуться и ударил Гарри Рэчета в пах ступней ноги – босой, но твердой, как камень. Рэтчет со стоном перегнулся в поясе.

Все драки, в которых прежде доводилось участвовать Маку, происходили внутри шахты, и он привык к схваткам на ограниченном пространстве, но четверых противников оказалось слишком много даже для него. Макалистер снова ударил его прикладом мушкета, и на мгновение ошеломленный Мак потерял равновесие. Рэтчет обхватил его из-за спины, обездвижив руки, и он не успел еще прийти в себя, когда острие шпаги Роберта Джеймиссона уперлось ему в горло.

– А теперь свяжите его, – распорядился довольный собой Роберт.

* * *

Они перебросили его через круп лошади, прикрыв наготу одеялом, а потом отвезли в замок Джеймиссона, где заперли в чулане, все еще не одетого и связанного по рукам и ногам. Он валялся на каменном полу, дрожа от холода. Его окружали окровавленные скелеты оленей, коров и свиней. Он попытался согреться, двигаясь активно, насколько это было возможно в его положении, но связанные конечности оставляли ему слишком мало шансов вернуть телу хотя бы немного тепла. И все же, приложив немалые усилия, сумел сесть, прислонившись спиной к шерсти еще не освежеванного оленя. Какое-то время он пел, чтобы поддержать в себе боевой дух. Сначала баллады, которые пользовались популярностью у миссис Уейгел субботними вечерами, потом псалмы, перейдя в конце концов на старые якобитские куплеты, высмеивавшие власти. Когда же его репертуар оказался исчерпанным, ему стало только хуже.

Голова болела от ударов прикладом, но значительно сильнее его мучила мысль о том, как легко он позволил Джеймиссонам схватить себя. Насколько же глупо было откладывать бегство! Он дал им время для решительных действий. И пока они планировали его пленение, он не нашел ничего лучше, чем щупать груди своей двоюродной сестры!

Не слишком ободряли и размышления о том, какая участь была ему уготована. Если он не замерзнет насмерть в этом сыром чулане, они скорее всего отправят его в Эдинбург и будут судить за нападение на егерей. Как и большинство подобных преступлений, это влекло за собой приговор к повешению.

Свет, просачивавшийся в щель под дверью, постепенно померк с наступлением вечера. За ним пришли в тот момент, когда часы на здании конюшни пробили одиннадцать.

На сей раз явились шестеро мужчин, и Мак даже не пытался оказывать им сопротивление.

Дейви Таггарт, кузнец, обычно занимавшийся изготовлением орудий труда для шахтеров, закрепил на Маке такой же ошейник, какой уже носил Джимми Ли. Это была крайняя степень

унижения – теперь любой мог видеть подтверждение, что он являлся частной собственностью другой персоны. Его превратили в недочеловека, в подобие скота.

С него сняли путы и швырнули какую-то одежду: пару бриджей, ветхую вельветовую рубашу и жилет с прорезами. Он поспешно оделся, но по-прежнему мерз. Егеря снова связали ему руки и посадили верхом на пони.

Направились они напрямик к шахте. В полночь с наступлением среды там начиналась новая смена. Оставалось всего несколько минут. Конюх впрягал новую лошадь, чтобы вращать барабан с цепью для ведер. До Мака дошло, что они принудят его бегать по кругу тоже.

Он в голос застонал. Это была худшая и самая унижительная пытка. Он сейчас многое бы дал за возможность съесть тарелку овсяной каши, сидя у теплого очага. За передышку хотя бы на несколько минут. А вместо этого его обрекли провести всю ночь на холодном воздухе. Он испытал порыв упасть на колени и молить о пощаде, но сразу подумал, какое удовольствие доставит своими мольбами Джеймиссонам. В нем заговорила гордость, и он лишь выкрикнул:

– Вы не имеете права так поступать со мной! Не имеете права!

Егеря подняли его на смех.

Они поставили его на грязную круглую тропу, по которой днем и ночью совершали свой бег лошади. Мак распрямил плечи, стараясь с достоинством высоко держать голову, хотя его одолевало желание расплакаться. Его привязали к упряжи лицом к лошади, чтобы он никак не мог уйти с ее дороги. А потом конюх хлестнул животное плетью и заставил пуститься рысцой. Маку пришлось тоже побежать спиной вперед.

Почти сразу он споткнулся, упал и лошадь опасно надвинулась на него. Конюх снова хлестнул плетью, но Мак вовремя успел вскочить на ноги. Постепенно он начал приобретать навык движения назад. Вот почему излишняя самоуверенность подвела его. Он поскользнулся на заледевшем участке земли. На этот раз лошадь настигла его. Мак попытался откатиться в сторону, извиваясь всем телом, чтобы избежать ударов копыт, и несколько секунд упряжь лишь тащила его рядом с бегущей лошастью, но затем он совершенно потерял контроль над ситуацией и угодил-таки под копыта. Лошадь наступила ему на живот, ударила в бедро и остановилась.

Они заставили Мака подняться, чтобы снова пустить животное в непрерывный бег. Ощущая боль в животе, сбив себе дыхание, Мак вынужден был, прихрамывая, продолжать поспешно двигаться спиной вперед.

Он скрежетал зубами, стараясь поймать верный ритм. Ему доводилось видеть, как такое же наказание выносили другие шахтеры, – тот же Джимми Ли, например. Все сумели выжить, хотя отметины остались на них навсегда. У Джимми Ли над левым глазом красовался заметный шрам после удара копыта лошади, и при одном воспоминании о пережитом унижении Джимми начинал бурлить от гнева. Мак тоже непременно выживет. Его сознание уже вскоре окончательно помутилось от боли, холода и позора, и он мог думать только о том, как удержаться на ногах, избегая поистине опасных для жизни ударов копыт.

С течением времени он начал ощущать странное родство с лошастью. Они оказались связанными друг с другом одной упряжью и вынуждены были вершить бесконечный бег по замкнутому кругу. Как только раздавался свист плети конюха, Мак сразу же начинал бежать чуть быстрее, а когда человек спотыкался, лошадь, казалось, сознательно замедляла рысь, чтобы дать ему возможность оправиться.

Он уловил тот момент в полночь, когда к шахте потянулись забойщики. Они поднимались по склону холма, разговаривая, покрикивая, подначивая товарищей, отпуская обычные грубоватые шутки. Но сразу же погружались в молчание, как только приближались к входу в ствол шахты и замечали Мака. Егеря угрожающе наводили стволы мушкетов на любого шахтера, пытавшегося остановиться. Мак услышал голос Джимми Ли, громогласно изливавшего свою ярость, но затем краем глаза увидел, как трое или четверо других шахтеров ухватили его за руки и потащили дальше, чтобы избавить от неприятностей.

Постепенно Мак утратил всякое представление о прошедшем времени. Начали прибывать носильщицы. Женщины и дети оживленно болтали, взбираясь на холм, но сразу же замолкали, проходя мимо Мака, уподобляясь в этом мужчинам. Донесся возглас Энни:

– Боже милостивый! Они заставили Мака бежать по кругу!

Люди Джеймиссона не позволили ей приблизиться к нему, но она успела выкрикнуть:

– Тебя разыскивает Эстер. Я приведу ее.

Уже скоро пришла Эстер и остановила лошадь, прежде чем егеря смогли помешать ей. Она поднесла к губам Мака фляжку с горячим и сладким молоком. Он ощутил вкус молока как вкус подлинного эликсира жизни, жадно глотая его, почти захлебываясь. И успел опустошить сосуд до того, как Эстер оттащили в сторону от него.

Ночь представлялась нескончаемой и длилась, как ему показалось, целый год. Егеря сложили свои мушкеты и расселись вокруг разведенного конюхом костра. Добыча угля продолжалась своим чередом. Носильщицы поднимались из шахты, опорожняли корзины в общую грудку и снова спускались под землю, верша непрерывный цикл. Пока конюх менял лошадь, Мак сумел немного отдохнуть, зато свежая и полная сил кобыла и побежала потом резвее.

Наступил момент, когда Мак понял, что уже наступило утро. Теперь оставалась лишь пара часов до конца смены забойщиков. Но даже час тянулся целую вечность.

На вершине холма показался пони. Искоса взглянув, Мак заметил, что всадник спешился и встал, недоуменно уставившись на него. Затем он узнал Лиззи Хэллим, одетую в ту же черную шубку, в которой она приходила прежде в церковь. Неужели и эта особа тоже явилась сюда, чтобы поиздеваться над ним? – оставалось гадать Маку. При ней он особенно остро ощутил унижительность своего положения. Лучше было бы ей скорее удалиться. Но присмотревшись к выражению ее нежного лица пристальнее, он не заметил на нем ни тени издевки или насмешки. На нем читались сострадание, злость и нечто еще, оставшееся для него непостижимым.

Еще один скакун достиг гребня холма, и из седла соскочил на землю Роберт. Он заговорил с Лиззи тихо, но сердито. Зато отчетливо прозвучал ответ девушки:

– Это настоящее варварство!

В своем отчаянном положении Мак почувствовал глубокую благодарность за эти слова. Ее возмущение помогло ему немного утешиться. Как хорошо было знать, пусть от этого ничего не менялось, что среди знати нашелся хотя бы один человек, понимавший невероятную жестокость подобного обращения с ним.

Роберт со свирепым видом возражал ей, но Маку не удавалось расслышать его фраз. Пока они препирались между собой, первые шахтеры начали выбираться из шахты наружу. Но горняки не спешили расходиться по домам. Его товарищи толпой окружили барабан и молча наблюдали за происходящим. Вскоре к ним стали присоединяться и некоторые из женщин. Опустошив очередные корзины, они не сразу вернулись в шахту, а вклинились в молчаливую толпу.

Роберт отдал конюху команду остановить лошадь.

Мак наконец-то смог прекратить бег. Он изо всех сил стремился гордо устоять на ногах, но колени подогнулись, и он припал на них. Конюх хотел приблизиться, чтобы отвязать его, но Роберт жестом остановил погонщика лошадей.

Затем он заговорил достаточно громко, чтобы все могли его слышать:

– Что ж, Макэш, вчера ты заявил, что тебе недостает одного дня для полного подчинения нам. Теперь ты этот день отработал. И даже по твоим дурацким и выдуманым кем-то законам ты не избежишь предначертанной участи. С этого момента ты становишься полной собственностью моего отца.

Затем он развернулся в сторону толпы, готовый обратиться к каждому еще раз.

Но не успел и рта раскрыть, как Джимми Ли запел.

Джимми обладал потрясающе чистым тенором, и звуки известного псалма поплыли над долиной:

Узри согбенную и грустную фигуру Того, кто принял муки и страдания человечья. Вот он один взбирается на гору, Взвалив смиренно крест на плечи.

Роберт густо покраснел и заорал:

– Тихо мне тут! Молчать!

Но Джимми не обратил на него ни малейшего внимания и затянул следующую строфу. Остальные начали подпевать, и почти сотня голосов слилась в гармоничном хоре, выводя мелодию:

Сейчас он полон скорби и печали, Готов пролить за нас до капли кровь, Но мы однажды встретим дня начало, Когда господь воскреснет вновь.

Роберт отвернулся от них, ощутив свою беспомощность. Затем потопал по грязи к своему коню, оставив Лиззи стоять в одиночестве с по-прежнему взволнованным выражением на лице. Он взобрался в седло и поскакал вниз по склону холма, причем явно тоже все еще пыхтел от злости. А пронзительные голоса шахтеров звучали громче и громче, эхом отдаваясь среди окрестных гор:

Не предадимся ж горю ложно, Нас славные победы ждут. Когда построим царство божье, В нем все свободу обретут!

Глава одиннадцатая

Джей не успел толком проснуться, но уже знал, что непременно сделает Лиззи предложение руки и сердца.

Только вчера мать невольно впервые заронила зерно этой мысли ему в голову, но оно быстро пустило корни и дало всходы. Теперь подобный поступок с его стороны казался не только естественным, но даже неизбежным и необходимым.

Оставалось лишь беспокоиться, примет ли она его предложение.

Как ему казалось, он в достаточной степени нравился ей, – в него легко влюблялись многие девушки. Но Лиззи нуждалась в деньгах, которых у него не было. Мама сказала, что эта проблема не являлась неразрешимой, вот только сама Лиззи могла предпочесть твердую уверенность, какую давали ей ясные перспективы Роберта. Ему же претила до отвращения сама по себе идея, что она станет женой брата.

К своему разочарованию, он обнаружил, что она уехала из дома очень рано в то утро. Он слишком нервничал, находился в чрезвычайно взвинченном состоянии, чтобы терпеливо дожидаться ее возвращения. Поэтому отправился на конюшню и осмотрел белого жеребца, полученного в подарок ко дню рождения от своего папаши. Коню дали кличку Близзард². Джей сгоряча поклялся никогда не садиться в его седло, но сейчас искушение оказалось слишком велико. Он отправился верхом в сторону Хай Глена, пустив Близзарда в галоп по упругому газону, протянувшемуся вдоль берега реки. И ничуть не пожалел о нарушении своего зарока. У него возникло ощущение, что он уселся на спину орла, парившего в воздухе и несшегося быстрее ветра.

Близзард оказался особенно хорош именно в галопе. При медленном движении и в аллюре он становился капризным, не столь надежным, а порой даже подавал признаки недовольства и излишнего норова. Но все это легко было простить скакуну, способному при необходимости лететь со скоростью пули.

Возвращаясь домой, Джей снова позволил себе погрузиться в размышления о Лиззи. Она всегда была личностью исключительной, даже еще оставаясь совсем девчонкой: красивой, непослушной, готовой нарушать любые правила и пренебрегать запретами. А сейчас стала просто уникальной девушкой. Она стреляла лучше, чем все охотники, которых доводилось встречать Джею, она опередила в скачке его самого, не побоялась спуститься в угольную шахту, сумела искусно изменить свою внешность и одурачить всех. Она не походила ни на одну молодую женщину, с кем он сталкивался прежде в своей жизни.

К ней, разумеется, нелегко было найти подход. Уж слишком волевая, самоуверенная и упрямая. Немного нашлось бы женщин, постоянно оспаривавших мнения, высказанные мужчинами. Хотя Джей, как и все остальные, смирился с этим, поскольку, даже возражая на каждое сказанное им слово, она оставалась очаровательной, когда горделиво вскидывала свое прелестное личико, улыбалась или хмурилась, жестко отстаивая свою точку зрения.

Он добрался до конюшни одновременно с братом. Роберт пребывал в самом мрачном настроении. В злобе он становился особенно похож на рассерженного отца с его багровыми щеками и напускной помпезной важностью.

– Черт побери, какая муха тебя укусила? – спросил Джей.

Но Роберт молча швырнул поводья своего мерина конюху и протопал внутрь дома.

Пока Джей устраивал Близзарда в стойле, подъехала Лиззи. Она тоже выглядела разъяренной, вот только румянец гнева на щеках и взволнованный блеск глаз делали ее еще более привлекательной, чем обычно. Джей заворуженно любовался ей. «Я хочу сам обладать этой

---

² Blizzard – Буран (англ.).

девушкой, – думал он. – Она должна принадлежать мне». Он был готов сделать ей предложение здесь и сейчас. Но прежде чем успел открыть рот, Лиззи спешила и обратилась к нему:

– Я знаю, что людей, которые совершают дурные поступки, необходимо наказывать, но не приемлю пыток. А вы?

Если честно, то Джей не видел ничего страшного в том, чтобы пытать преступников, но не собирался высказать свое отношение к пыткам откровенно, когда видел ее в подобном настроении.

– Конечно же, я тоже, – солгал он. – Вы вернулись от входа в шахту?

– Это было ужасно. Я попросила Роберта отпустить того мужчину, но он отказался.

Стало быть, она повздорила с Робертом. Джей сумел скрыть свою радость.

– А вы не видели прежде, как человека гоняют по кругу? Это случается не так уж редко.

– Нет, не видела. Даже не понимаю, как могла пребывать в столь полном невежестве об условиях жизни шахтеров. Наверное, меня оберегали от суровой правды, поскольку я девушка.

– Роберт показался мне очень рассерженным из-за чего-то, – закинул пробный камень Джей.

– Шахтеры начали петь псалом и не пожелали замолчать по приказу Роберта.

У Джея появился еще один повод для удовлетворения. Судя по всему, брат предстал у нее на глазах в самом неприглядном виде. «Мои шансы преуспеть возрастают с каждой минутой», – подумал он и заметно повеселел.

Лиззи передала конюху своего пони, и они пересекли двор замка, чтобы войти внутрь. В холле Роберт разговаривал с сэром Джорджем.

– Это стало актом вызывающего неповиновения, – говорил он. – Нам непременно следует принять меры, чтобы Макэш понес за него самое суровое наказание.

Лиззи издала вздох отчаяния, и Джей увидел возможность еще немного повысить ее мнение о себе.

– Думаю, нам нужно рассмотреть возможность отпустить Макэша, – сказал он, обращаясь к отцу.

– Не городи чепухи, – отозвался Роберт.

Джей вспомнил аргумент, приведенный ранее Гарри Рэтчетом.

– Он сеет смуту, и будет лучше избавиться от него.

– Макэш открыто выступил против нас, – продолжал возражать Роберт. – И его необходимо наказать в назидание всем.

– Но он уже был наказан! – воскликнула Лиззи. – Он вынес самое жестокое наказание, какое только способен вытерпеть человек!

– Оно вовсе не настолько жестокое, каким вам показалось, Элизабет, – сказал сэр Джордж. – Вам трудно это понять, но они не ощущают боли так же, как мы с вами. – И, не дав ей возможности потребовать объяснений, повернулся к Роберту: – Но верно и то, что ему бунт против нас не сошел с рук. Теперь все шахтеры знают: они не могут по своей воле уйти от нас по достижении возраста двадцати одного года. Мы им все наглядно продемонстрировали. И я действительно начинаю думать о возможности сделать так, чтобы он теперь незаметно исчез.

Роберт не унимался.

– Джимми Ли тоже смутьян, но мы тем не менее вернули его на шахту.

– Совершенно иной случай, – вслух размышлял его отец. – Ли выплескивает свой протест в эмоциях, а вот мозгов ему не хватает. Он никогда не сможет выбиться в вожаки, и нам не стоит особенно его опасаться. Макэш слеплен из другого теста. С ним будет гораздо сложнее.

– Я не боюсь Макэша, – заявил Роберт.

– И зря. Он может быть крайне опасен, – продолжил свою мысль отец. – Он умеет читать и писать. И он – пожарный. Значит, шахтеры привыкли уважать его. А судя по той сцене,

которую ты сам только что мне описал, он уже стал для них почти героем. И если мы оставим его здесь, он будет источником проблем до конца своей жалкой жизни.

С неохотой, но Роберт кивнул в знак согласия.

– Наверное, ты прав, но я все еще остаюсь при своем мнении. К тому же мы подпортили свою репутацию в глазах шахтеров.

– Так давай улучшим ее, – ухмыльнулся сэр Джордж. – Оставим охранника только на мосту. Тогда Макэш уйдет через горы, надо полагать. Но мы даже не отправим за ним погони. Я не возражаю. Пусть все думают, что он сбежал. Главное – не дать им вбить себе в головы идею о его праве на свободный уход с шахты.

– Хорошо. Будь по-твоему, – сказал Роберт.

Лиззи бросила на Джея торжествующий взгляд. За спиной Роберта она безмолвной артикуляцией губ изобразила слова: «Вы – молодец!»

– Мне надо вымыть руки перед обедом. – И Роберт скрылся в задней части дома все еще с недовольным видом.

Сэр Джордж отправился в свой кабинет. В то же мгновение Лиззи обняла Джея.

– Вы добились этого! – Она не могла сдержать радости. – Вы освободили его! – И поцеловала Джея с подлинным пылом.

Для любой девушки это стало бы скандально фривольным поступком, и молодого человека он поверг в смущение, хотя Джей быстро оправился. Сам обнял ее за талию, прижав ближе к себе. Затем склонился, и они снова поцеловались. Только теперь это был иного рода поцелуй – продолжительный и чувственный. Джей закрыл глаза, чтобы сосредоточиться и сполна насладиться новым ощущением. Он напрочь забыл, что они стояли в самом посещаемом помещении отцовского замка, куда постоянно заглядывали члены семьи, гости, соседи и прислуга. К счастью, им никто не помешал, и они целовались, никем не замеченные и не потревоженные. Когда объятия разомкнулись, оба тяжело дышали, глядя друг на друга, но по-прежнему оставались наедине.

Взволнованный и воодушевленный, Джей понял, что настал наилучший момент сделать ей предложение стать его женой.

– Лиззи... – Внезапно он совершенно растерялся, не зная, как лучше перейти к этой теме.

– Что?

– Я просто хотел сказать... Вы же не можете теперь выйти замуж за Роберта.

– Я могу сделать все, что мне заблагорассудится, – немедленно и резко отозвалась она.

Разумеется! Он взял с Лиззи совершенно неверный тон. Ей нельзя диктовать свою волю, навязывать линию поведения, разрешать или запрещать что-либо.

– Я вовсе не имел в виду...

– Вдруг Роберт умеет целоваться лучше вас, – сказала она и лукаво улыбнулась.

Джей рассмеялся.

Лиззи склонила голову ему на грудь.

– Конечно, я не могу выйти замуж за Роберта.

– Почему же...

Она посмотрела на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.